

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-2162

№21(330)
часть 3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

Г. МОСКВА

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 21 (330)
Июнь 2025 г.

Часть 3

Издается с февраля 2017 года

Москва
2025

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Арестова Инесса Юрьевна – канд. биол. наук, доц. кафедры биоэкологии и химии факультета естественнонаучного образования ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Россия, г. Чебоксары;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Гайфуллина Марина Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления ФГБОУ ВО "Уфимский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Уфа";

Елисеев Дмитрий Викторович – канд. техн. наук, доцент, начальник методологического отдела ООО «Лаборатория институционального проектного инжиниринга»;

Комарова Оксана Викторовна – канд. экон. наук, доц. доц. кафедры политической экономии ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Россия, г. Екатеринбург;

Лебедева Надежда Анатольевна – д-р филос. наук, проф. Международной кадровой академии, чл. Евразийской Академии Телевидения и Радио;

Маршалов Олег Викторович – канд. техн. наук, начальник учебного отдела филиала ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), Россия, г. Златоуст;

Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук, проф. ВАК, зав. Кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, г. Магнитогорск;

Самойленко Ирина Сергеевна – канд. экон. наук, доц. кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва;

Сафонов Максим Анатольевич – д-р биол. наук, доц., зав. кафедрой общей биологии, экологии и методики обучения биологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Россия, г. Оренбург;

С88 Студенческий форум: научный журнал. – №21(330). Часть 3. М., Изд. «МЦНО», 2025. – 72 с. – Электрон. версия. печ. публ. – <https://nauchforum.ru/journal/stud/330>.

Электронный научный журнал «Студенческий форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

Оглавление

Статьи на русском языке	5
Рубрика «Юриспруденция»	5
ПРАВОВЫЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ В РФ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) Гейченко Дмитрий Александрович Отставнова Елена Александровна	5
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ И ПассажиРОВ Гордиенко Анастасия Васильевна Максименко Александр Владимирович	8
ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ АУДИТА Дадова Дана Мухамедовна Колесникова Ольга Юрьевна	13
ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЬЕТНАМА Динь Тхй Сау	16
ИДЕНТИФИКАЦИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И СХЕМ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЬЕТНАМА До Хай Йен	19
ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ Караянова Азизат Аскеровна Колесникова Ольга Юрьевна	21
МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ: ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ И ПРОБЕЛЫ Ломова Анна Евгеньевна	25
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И УКРАИНЫ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ Ломова Анна Евгеньевна Цуканов Олег Владимирович	29
СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ НА ПРИМЕРЕ УФСИН РОССИИ ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ Нефёдова Надежда Игоревна	32
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Нефёдова Надежда Игоревна	34
ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОДЫ В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН Огай Алексей Данилович	36

СЕМЕЙНЫЕ ЛЬГОТЫ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ Погребняк Екатерина Александровна Васильева Анастасия Валерьевна	39
ПОНЯТИЕ И КОНЦЕПЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА Сулейманов Магомед-Салах Абу-Супьянович Колесникова Ольга Юрьевна	43
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗЫСКАНИЯ И УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ Толкунова Анна Александровна Цуканов Олег Владимирович	46
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ РЕБЕНКА ОТ ДЕСТРУКТИВНОГО ВЛИЯНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ Усова Галина Александровна Ким Елена Витальевна	50
ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ Усова Галина Александровна Ким Елена Витальевна	53
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ» В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Черёмхин Владислав Владимирович	57
ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ Шульгина Александра Ивановна Максименко Александр Владимирович	60
Papers in english	63
Rubric «Economics»	63
MERGERS AND ACQUISITIONS: STRATEGIC MOTIVATIONS AND ECONOMIC IMPACT Anastasiia Ashaeva	63
Қазақ тілінде мақалалар	66
Бөлім «Педагогика»	66
АРНАЙЫ БІЛІМ БЕРУ ЖӘНЕ ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР: МҮМКІНДІКТЕР МЕН ҚАУІПТЕР Барлыбаева Зейнеп Сайлауқызы	66

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РУБРИКА

«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

ПРАВОВЫЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ В РФ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Гейченко Дмитрий Александрович

магистрант,

Саратовская государственная юридическая академия,

РФ, г. Саратов

Отставнова Елена Александровна

научный руководитель,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры конституционного права имени профессора

И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева,

Саратовская государственная юридическая академия,

РФ, г. Саратов

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу правовых и социологических аспектов реализации воинской обязанности в Российской Федерации в условиях беспрецедентных геополитических вызовов, включая специальную военную операцию (СВО), частичную мобилизацию 2022–2023 гг. и санкционное давление.

Актуальность проблемы обусловлена трансформацией института воинской обязанности из инструмента поддержания обороноспособности в ключевой элемент противодействия гибридным угрозам, требующим сбалансированного сочетания правового принуждения, социальных гарантий и общественного консенсуса. Результаты репрезентативного социологического опроса (n=68), проведенного автором в мае 2025 года среди военнослужащих (19,1 %) и гражданских лиц (80,9 %), выявили системные противоречия, имеющие непосредственное значение для законодательной корректировки (далее Анализ).

Правовую основу составляют Федеральный закон №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Конституция РФ (ст. 59) и подзаконные акты [1].

В 2022–2025 гг. законодатель предпринял адаптацию к экстремальным условиям: расширен возрастной диапазон призыва до 30 лет, введены электронные повестки через «Госуслуги» с автоматическим запретом выезда при неявке, ужесточена уголовная и административная ответственность за уклонение, установлена обязанность работодателей информировать военкоматы о приеме и (или) увольнении военнообязанных. Параллельно сформирован массив социальных гарантий для участников СВО (жилищные программы, льготное образование, медицинская и психологическая реабилитация, создан Фонд «Защитники Отечества»).

Однако, как справедливо отмечает Кирьянова О.В., нормативное обновление не устранило системных проблем правоприменения: сохраняются бюрократические барьеры в оформлении льгот, недостаточная координация между ведомствами, коллизии в обеспечении жильем и выплате денежного довольствия, что подтверждается судебной практикой и позицией Конституционного Суда РФ (Постановление №1-П от 11.01.2022) [3, с. 58, 2].

Критический диссонанс выявлен в восприятии принципов военной службы. Согласно параграфу Анализу, военнослужащие приоритизируют профессионализм (28,13 %), законность (25,00 %) и справедливость (21,88 %), совокупно формируя нормативную основу армейской жизнедеятельности (75,01 % ответов). Гражданские лица, признавая профессионализм (25,74 %) и справедливость (22,05 %) ключевыми, ожидают существенно большей гуманности (16,9 % против 9,38 % у военных). Этот разрыв отражает конфликт между правовой реальностью, где дисциплина и выполнение приказа доминируют, и общественными ожиданиями, сформированными в мирном контексте. Игнорирование данного дисбаланса подрывает легитимность призыва, особенно на фоне выявленного главного демотиватора службы – «дедовщины» (30,9 % респондентов), являющейся, по сути, антиподом декларируемых принципов законности и равенства. Упомянутая 76,5 % опрошенных коррупция при призыве дополнительно девальвирует доверие к институту.

Отношение к обязательности службы демонстрирует глубокий раскол: 92,31 % военных считают её гражданским долгом, но лишь 56,36 % гражданских поддерживают эту позицию (27 % активно против). При этом мотивационная структура обнаружила редкое единство: патриотизм (33,8 %) и материальные льготы (30,9 %) признаны ключевыми стимулами обеими группами. Это подтверждает эффективность модели сочетания идеологической мобилизации (конституционные поправки 2020 г.) и экономических стимулов. Однако низкая оценка социальной поддержки военнослужащих (средний балл 3,54 из 5; у самих военных – лишь 3,0) свидетельствует о недостаточном уровне поддержки государством, особенно в сфере жилья, реабилитации и медицинского обеспечения участников СВО [4, с. 80]. Данный фактор, наряду с «дедовщиной», напрямую снижает желание служить (20,6 % указали на отсутствие социальных гарантий как демотиватор).

Научная новизна исследования заключается в верификации законодательных новаций через призму эмпирических данных, объективизирующих диссонанс между нормативными рамками и общественными ожиданиями. Для устранения выявленных системных дисфункций предлагается:

1. Введение дифференцированного статуса «участника боевых действий» (отличного от «ветерана») для военнослужащих в зонах непосредственного соприкосновения с противником, упрощающего доступ к льготам;

2. Создание федерального и региональных институтов Уполномоченного по правам военнослужащих (военного омбудсмана) – независимого органа с полномочиями по борьбе с коррупцией в военкоматах и нарушениями уставных норм, необходимость которого обоснована статистическими данными Анализа;

3. Расширение альтернативной службы (поддерживают 62 % гражданских) и глубокая цифровизация процессов призыва.

Устойчивость системы воинской обязанности в условиях перманентных вызовов зависит от сбалансированности правового принуждения, реализуемых социальных гарантий и независимого контроля. Игнорирование выявленного социологией разрыва в понимании базовых принципов службы (законность vs. гуманность) и низкого доверия к механизмам призыва чревато дальнейшей эрозией общественной консолидации – ключевого ресурса обороноспособности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

2. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.П. Кузьмина и Г.Т. Умарсаидова : Постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2022 г. № 1 -П // СЗ РФ. 2022. № 3. Ст. 586.
3. Кирьянова О.В. Социальная защита военнослужащих: проблемы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2023. № 7 (223). С. 57-59.
4. Давудов Д.А. Защита прав участников Специальной военной операции и их семей // Закон и право. 2024. № 12. С. 78-84.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ И ПАССАЖИРОВ

Гордиенко Анастасия Васильевна

магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
РФ, г. Белгород

Максименко Александр Владимирович

научный руководитель,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
РФ, г. Белгород

Аннотация. В представленной статье рассматриваются особенности международной перевозки грузов и пассажиров. Анализируется их правовое регулирование на уровне национального законодательства и международных договоров. Рассматриваются некоторые современные проблемы осуществления международных перевозок различными видами транспорта, а также предлагаются пути их решения.

Abstract. This article discusses the features of international transportation of goods and passengers. Their legal regulation at the level of national legislation and international treaties is analyzed. Some modern problems of international transportation by various modes of transport are considered, and solutions are proposed.

Ключевые слова: международные перевозки; международное частное право; перевозки пассажиров; перевозки грузов; проблемы международных перевозок.

Keywords: international transportation; private international law; passenger transportation; cargo transportation; problems of international transportation.

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования международной перевозки пассажиров и грузов. В частности, речь идет о действующих соглашениях, участником которых выступает Российская Федерация (РФ). Развитие и регулирование международных перевозок является важным направлением для обеспечения устойчивого развития и укрепления международных отношений. Данный вопрос широко обсуждается учеными-правоведами и экспертами [1]. Ни одно государство не может в полной мере удовлетворить свои потребности с помощью собственного производства. Соответственно, налаживание поставок из других стран, а также разделение труда на международном уровне способствует развитию внешней торговли, а с ней и развитию международных перевозок. Особую актуальность тема международных перевозок приобретает на фоне геополитических изменений, введения новых санкционных и тарифных ограничений, а также пандемии COVID-19, которая существенно повлияла на структуру и объемы перевозок, а также поставила новые вызовы перед транспортной отраслью. В таких условиях исследование тенденций, проблем и перспектив развития международных перевозок грузов и пассажиров становится неотъемлемой составляющей повышения конкурентоспособности национальной экономики и обеспечения ее устойчивого роста.

Кроме того, на международные перевозки оказывают влияние структура мирового рынка и геополитические процессы. Соответственно, нельзя говорить о постоянной стабильности такой отрасли, поскольку количество транспортных средств, потоки грузов и пассажиров постоянно меняются.

Главными критериями международной перевозки грузов и пассажиров выделяются место отправления и прибытия, которые должны находиться в разных государствах, и тот фактор, что маршрут перевозимых грузов или пассажиров лежит через территорию одного или нескольких иностранных государств.

Особую ценность для каждого государства представляет безопасность перевозки пассажиров. Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, соответственно, их признание, соблюдение и защита – обязанность государства [2]. Как считает Л.А. Бердегулова, международные связи постоянно развиваются и оптимизируются, что оказывает сильное воздействие на пассажиропоток и, в частности, на комфорт перевозок [3, с. 163].

Источником правового регулирования международных перевозок грузов и пассажиров выступают международные договоры и соглашения по каждому виду перевозки. Например, по морским международным перевозкам основным международным соглашением выступает Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS), регулирующая правовой режим международных морских перевозок [4]. Документ содержит в себе общие положения об иммунитете государственных судов, гражданской юриспруденции об иностранных судах, праве мирного прохода, установлении государственных границ в море и так далее.

Кроме того, учреждены и действуют международные организации, специализирующиеся на морских перевозках. Наиболее известной является Международная Морская Организация¹, задача которой заключается в обеспечении безопасного мореплавания и свободного судоходства. Коммерческие международные перевозки регулируются Балтийским международным морским советом², основанным в Копенгагене в 1905 году, который занимается правовыми вопросами, связанными с морскими перевозками, в том числе унификацией транспортных документов.

Как указывает А.Ф. Нафикова, система международных грузоперевозок имеет ряд проблем: логистическая и транспортная инфраструктура в государствах-партнерах недостаточно развита; часто отсутствует необходимая документация в процессе организации международных перевозок, в их числе сопроводительные документы на груз, транспорт, документы на поставщика груза; необходим пересмотр и совершенствование страхования грузов ввиду высокого риска их порчи; таможенное оформление грузов может быть задержано на неопределенный срок из-за нарушений в декларациях или в порядке прохождения таможенного контроля, в связи с чем нарушаются сроки поставки груза [5, с. 120].

В РФ приняты и действуют нормативные правовые акты в части каждого вида транспорта: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [6], Воздушный кодекс Российской Федерации [7], Федеральный закон от 25.08.1995 № 153-ФЗ «О федеральном железнодорожном транспорте» [8], Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» [9] и другие.

¹ Международная морская организация или ИМО (англ. International Maritime Organization, IMO) – международная межправительственная морская организация (образована в 1948 году, штаб-квартира расположена в Лондоне), является специализированным учреждением ООН, деятельность которой направлено на принятие норм (стандартов) по обеспечению безопасности на море и предотвращению загрязнения с судов окружающей среды, в первую очередь, морской среды; служит площадкой для сотрудничества и обмена информацией по техническим вопросам, связанным с международным торговым судоходством. Россия участвует как наблюдатель в Совете ИМО в 2024-2025 годах

² Балтийский и международный морской совет (БИМКО или BIMCO) (англ. Baltic and International Maritime Council) – неправительственная организация, занимающаяся вопросами морской судоходной политики, унификации транспортных документов и информированием членов по различным аспектам международной морской торговли. Членами БИМКО являются судовладельцы, судовые брокеры и агенты, ассоциации из 121 страны мира. Россия не является участником Совета государств Балтийского моря с 2022 года

Специфика международных перевозок заключается в том, что нормы, их регулирующие, применяются на основе различных коллизионных принципов. Например, отправка груза может регулироваться законодательством страны-отправителя, а прибытие груза в пункт назначения – законами страны назначения. В некоторых случаях применим закон страны суды или перевозчика.

Согласно положениям п. 1, 2 ст. 1211 Гражданского кодекса РФ отсутствие соглашения о перевозке предполагает, что правоотношения регулируются правом страны перевозчика [10]. То же касается реализации договора транспортной экспедиции – отношения будут урегулированы правом страны экспедитора.

Отметим, что международные перевозки осуществляются автомобильным, железнодорожным, морским и воздушным транспортом между двумя и более государствами.

В сфере железнодорожных перевозок действует Соглашение о международных перевозках (КОТИФ) 1980 г. [11], учредившее Межправительственную организацию по международным железнодорожным перевозкам (ОТИФ)³. Документ включает в себя единые правила по поводу осуществления пассажирских и грузовых перевозок по железной дороге.

Автомобильные перевозки регламентируются такими соглашениями: Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) [12]; Конвенция о дорожном движении [13]; Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожном движении, открытую для подписания в Вене 08.11.1968 [14]. При осуществлении международных автомобильных перевозок необходимо уделять значение договору страхования гражданской ответственности, поскольку таким образом создаются гарантии третьих лиц, которым потенциально может быть причинен вред транспортным средством. Вопросы страхования урегулированы как нормами национального, так и международного законодательства.

Самым быстрым видом перевозки принято считать воздушный транспорт. Однако такие перевозки напрямую зависят от погодных условий, которые часто становятся причиной задержки или отмены рейсов. Воздушный вид транспорта является наиболее дорогим. Ему присуща высокая маневренность, способность сокращать путь, соответственно, экономия времени, а также быстрота организации воздушного сообщения.

Наиболее значимыми международными договорами в сфере воздушных перевозок являются Конвенция о международной гражданской авиации (заключена в г. Чикаго 07.12.1944) [15] и Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (заключена в г. Варшаве 12.10.1929) [16]. Главной особенностью воздушных перевозок считается получение специального разрешения от государства-участника на осуществление регулярных и нерегулярных воздушных сообщений, при этом нарушение правила влечет за собой наложение определенных санкций.

В соответствии с нормами Воздушного кодекса РФ перевозчиком является эксплуатант, имеющий лицензию на воздушную перевозку пассажиров или грузов. Международная воздушная перевозка предполагает расположение места отправления и назначения на территории двух стран или на территории одного государства, если есть пункты посадки на территории другого государства.

По мнению М.М. Богуславского, одной из основных проблем в сфере международных перевозок является то, что пассажирские перевозки и грузоперевозки имеют высокую

³ Межправительственная организация по международным железнодорожным перевозкам (англ. *The Intergovernmental Organisation for International Carriage by Rail*) – международная организация, созданная в соответствии с Конвенцией о международных перевозках по железной дороге, основной задачей которой является обеспечение комплексного развития, усовершенствования и упрощения порядка осуществления международного железнодорожного сообщения, совершенствование единых правил, которые регулируют международные грузовые и пассажирские перевозки по железной дороге. Сокращенное наименование ОТИФ от фр. *L'Organisation intergouvernementale pour les transports internationaux ferroviaires (OTIF)*, создана 01.05.1985. Россия участвует в данной организации

стоимость, что снижает уровень конкуренции между перевозчиками в сравнении с системами перевозки развитых стран [17, с. 168]. Одним из самых крупных расходов для перевозчиков является топливо, цены на которое могут сильно колебаться, что влияет на стоимость перевозок. Кроме того, обслуживание и поддержание транспорта (судов, самолетов, автомобилей) в надлежащем состоянии также требует значительных вложений.

Значительной проблемой являются санкции и торговые барьеры, которые приводят к введению санкций, квот или тарифов, что непосредственно влияет на стоимость как грузовых, так и пассажирских перевозок. Например, ограничение на поставки товаров в определенные страны может привести к дефициту и росту цен.

По мнению автора, необходимо постоянно совершенствовать правовое регулирование международных перевозок ввиду развития новых технологий, а также с учетом геополитических процессов. В частности, нужно разрабатывать проекты новых международных договоров в сфере перевозки, а также совершенствовать существующие.

Экологические проблемы представляются важной составляющей данной отрасли. Транспорт является источником загрязнения окружающей среды. Соответственно, в качестве стимула к использованию более безопасного топлива необходимо предусмотреть льготные условия и меры поддержки для использующих его перевозчиков. Международные перевозки грузов и пассажиров играют ключевую роль в развитии мировой экономики и международного сотрудничества. В условиях глобализации и расширения международной торговли, объемы международных перевозок постоянно растут, предъявляя новые требования к качеству, безопасности и эффективности транспортной системы. С каждым годом увеличивается объем экспортно-импортных операций, что предъявляет новые требования к логистике и организации транспортного процесса. Современные логистические цепочки становятся все сложнее: возрастает роль смешанных перевозок, внедряются инновационные технологии, развивается система «умных» транспортных узлов. Важным аспектом является также обеспечение безопасности, сохранности грузов, соблюдение экологических стандартов и правовых норм в международном транспортном сообщении. В условиях научно-технического прогресса следует учитывать, что международные перевозки грузов и пассажиров будут претерпевать изменения, качество и количество которых непосредственно связано с быстротой внедрения новых технологий, экологическим положением и изменениями в мировой экономике.

Таким образом, возможны следующие направления для повышения эффективности правового регулирования в сфере международных перевозок: обеспечение максимально соответствия национальных правовых актов международным конвенциям и соглашениям, увеличение доли электронного документооборота, использование искусственного интеллекта для оптимизации логистических маршрутов, увеличение объема инвестиций с целью улучшения логистики и развития транспортной инфраструктуры.

Внедрение перечисленных инициатив позволит не только повысить прозрачность и эффективность международных перевозок, но и станет стимулом для развития отечественного транспортного комплекса на мировом рынке, укрепит позиции России как важного транзитного государства.

Список литературы:

1. Бердегулова Л.А. Разграничение сфер международного публичного и частного права / Л.А. Бердегулова, А.Р. Сабитова // Научный электронный журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2017/12/Сабитова-А.-Р.-Бердегулова-Л.-А..pdf> (дата обращения: 30.05.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 04.07.2020. – № 144.

3. Бердегулова Л.А. Международное частное право / Л.А. Бердегулова, Э.З. Сакаева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2011. – № 7. – с. 163.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // Собрание законодательства РФ. – 01.12.1997. – № 48 – ст. 5493.
5. Нафикова А.Ф., Колотий М.С., Алексеева К.В. Проблемные аспекты международных перевозок грузов и пассажиров // Интерактивная наука. – 2021. – № 5 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-mezhdunarodnyh-perevozk-gruzov-i-passazhirov> (дата обращения: 31.05.2025).
6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства РФ. – 03.05.1999. – № 18. – ст. 2207.
7. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Российская газета. – 26.03.1997. – № 59-60, п. 1. – ст. 100.
8. Федеральный закон от 25.08.1995 № 153-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «О федеральном железнодорожном транспорте» // Собрание законодательства РФ. – 28.08.1995. – № 35. – ст. 3505.
9. Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 13.01.2003. – № 2. – ст. 170.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – № 233. – 28.11.2001.
11. Конвенция о международных железнодорожных перевозках (КОТИФ) от 09.05.1980 (заключена в г. Берне 09.05.1980) (с изм. от 03.06.1999) // Собрание законодательства РФ. – 29.08.2011. – № 35. – ст. 5060.
12. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) (Заключена в г. Женеве 19.05.1956) (Вступила в силу для СССР 01.12.1983) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Конвенция о дорожном движении (Заключена в г. Вене 08.11.1968) // Treaty Series. Volume 1732. New York: United Nations. – 1999. – P. 522-587.
14. Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожном движении, открытую для подписания в Вене 08.11.1968 (Заключено в г. Женеве 01.05.1971) // Бюллетень международных договоров. – 2008. – № 1. – с. 3-23.
15. Конвенция о международной гражданской авиации (заключена в г. Чикаго 07.12.1944) (с изм. от 26.10.1990) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (заключена в г. Варшаве 12.10.1929) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Выпуск VIII. – М., 1935. – с. 326-339.
17. Богуславский М.М. Международное частное право / М.М. Богуславский. – М.: Юрайт, 2015. – 654 с.

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ АУДИТА

Дадова Дана Мухамедовна

магистрант,

Филиал Российского экономического университета

им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске Ставропольского края,

РФ, г. Пятигорск

Колесникова Ольга Юрьевна

канд. юрид. наук, доцент кафедры правовых дисциплин

Филиала Российского экономического университета

им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске Ставропольского края,

РФ, г. Пятигорск

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» [3] под аудитом понимается независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности.

Р. Адамс полагает, что аудит представляет собой «независимое рассмотрение аудитором финансовых отчетов предприятия и выражение мнения о них» [5, с. 6]. Дж. Робертсон рассматривает аудит как «деятельность, направленную на уменьшение предпринимательского риска» и предлагает понимать под аудитом «процесс уменьшения до приемлемого уровня информационного риска для пользователей финансовых отчетов» [9, с. 7].

По мнению Л.И. Булгаковой, понятие «аудит» необходимо рассматривать в узком (как вид предпринимательства, профессиональная деятельность) и широком (совершение проверок финансово-хозяйственной деятельности) смыслах [11, с. 8-9].

Некоторые авторы, определяя понятие аудита, предлагают трактовать его как проверку, экспертизу, ревизию [8, с. 53]. А.Л. Руф считает, что аудит представляет собой «независимую экспертизу финансовой отчетности коммерческих предприятий аудиторами с целью подтверждения ее достоверности для государственных налоговых органов и собственников» [16]. В.И. Подольский отмечает, что под аудитом необходимо понимать «независимую экспертизу состояния бухгалтерского учета, финансовых отчетов и бухгалтерский балансов» [10]. П.И. Камышанов настаивает на том, что аудит является своеобразной экспертизой бизнеса [12, с. 10].

Аудит бухгалтерской (финансовой) отчетности выступает в качестве играющего важную роль элемента рыночной инфраструктуры. Многие финансовые решения принимаются на основании той финансовой информации, достоверность которой подтверждает аудитор. В процессе осуществления предпринимательской деятельности возникает потребность в услугах аудитора, который устанавливает объективную и достоверную финансовую информацию об организации и ее деятельности.

Современная теория аудита базируется на ряде основополагающих элементов, которые, по мнению большинства специалистов [7; 13] в данной сфере, необходимо именовать этическими принципами проведения аудита. Аудиторы при осуществлении своей деятельности должны руководствоваться такими этическими принципами, как: независимость, объективность, честность, конфиденциальность, профессиональная компетентность, добросовестность, профессиональное поведение. В Кодексе профессиональной этики аудиторов [4] перечислены и кратко охарактеризованы следующие этические принципы аудита: честность; объективность; профессиональная компетентность и должная тщательность; конфиденциальность; профессиональное поведение. Некоторые из указанных принципов упомянуты в Федеральном законе «Об аудиторской деятельности».

Анализ концептуальных положений теории аудита позволяет прийти к выводу, что по мере развития в России законодательства об аудиторской деятельности все этические принципы аудита находят свое закрепление как в Кодексе профессиональной этики аудиторов, так

и в Федеральном законе «Об аудиторской деятельности». Они носят основополагающий характер, а их соблюдение служит гарантией качества аудита.

На наш взгляд, законодателем не в полной мере дана оценка значения указанных выше принципов, т.к. последние «разбросаны» по разным статьям Федерального закона «Об аудиторской деятельности». Полагаем, что принципы аудита необходимо сосредоточить в одной из первых статей закона, а их изложение должно быть четким и систематизированным.

Большинство отечественных специалистов в области финансового права [14; 17; 18; 19] рассматривает аудит как независимый вневедомственный негосударственный финансовый контроль.

Их оппоненты, опровергая, что аудит относится к финансовому контролю, достаточно часто разграничивают для этого аудит и ревизию [15].

На наш взгляд, данное обстоятельство не следует считать существенным аргументом, т.к. ревизия и аудиторская проверка являются разными формами финансового контроля, которые отграничиваются друг от друга по ряду критериев, в том числе и по цели проведения.

Полагаем признать правомерным вывод о том, что аудит необходимо квалифицировать как один из видов финансового контроля, который: 1) представляет собой урегулированную нормами права деятельность аудиторов по проверке бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемых лиц в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности; 2) проводится в форме проверки (по времени проведения является последующей); 3) выступает в качестве самостоятельной функции финансового управления хозяйствующими субъектами, способа обеспечения законности их деятельности.

Специфика аудита как вида финансового контроля проявляется в возникновении и развитии между аудитором и аудируемым лицом одновременно частноправовых и публично-правовых отношений, регулируемых различными отраслями права.

Аудит как разновидность финансового контроля базируется на тех же принципах, что и финансово-контрольная деятельность. Большинство специалистов в области финансового права к принципам осуществления финансового контроля относит: законность, гласность, федерализм, плановость, независимость, объективность и компетентность. Соотнесем их с аудитом.

Принцип законности (является общеправовым и характерен для финансовой деятельности в целом) находит свое воплощение в таком принципе аудита, как профессиональное поведение. Принцип гласности проявляется при опубликовании организациями бухгалтерской отчетности, которая в соответствии со ст. 16 Федерального закона «О бухгалтерском учете» [2] относится к категории публичной. Таким образом, в ряде случаев аудит носит публичный характер. Следовательно, принцип гласности (точнее публичности) действует в отношении некоторых видов аудиторских проверок. На наш взгляд, принцип федерализма (разграничение в соответствии с Конституцией РФ [1] компетенции РФ и ее субъектов в области финансов) не является концептуальным началом аудита и не применяется к аудиту как виду финансового контроля. Принцип плановости проявляется при осуществлении лишь обязательных ежегодных аудиторских проверок. Инициативным аудиторским проверкам он не присущ.

Таким образом, еще одна специфическая особенность аудита как вида финансового контроля состоит в том, что ему присущи не все принципы осуществления финансового контроля и финансовой деятельности.

На наш взгляд, сложно согласиться с мнением Л.Л. Арзумановой, которая утверждает, что существенное отличие аудита от государственного контроля состоит в подлинной независимости первого, в более высоком уровне квалификации аудиторов и лицензировании аудиторской деятельности [6, с. 15]. Указанный автор тем самым ставит под сомнение независимость государственного контроля, который характеризуется как «неподлинный», и квалификацию осуществляющих его лиц.

В условиях рыночной экономики необходимо использовать различные формы, виды и способы осуществления финансового контроля, одним из которых является аудит.

Сегодня многие специалисты предлагают переосмыслить содержание и значение аудита. Содержание аудита должно включать в себя комплексное исследование финансовой отчетности, а также всеобъемлющий анализ хозяйственной деятельности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 31.05.2025 г.).
2. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О бухгалтерском учете» // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 31.05.2025 г.).
3. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «Об аудиторской деятельности» // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 31.05.2025 г.).
4. Кодекс профессиональной этики аудиторов (редакция № 2) (утв. решением Правления СРО ААС от 14.03.2025, протокол № 725) // СПС «Консультант Плюс».
5. Адамс, Р. Основы аудита: пер. с англ. – М.: Аудит: ЮНИТИ, 1995. С.6.
6. Арзуманова, Л.Л. Финансово-правовое регулирование обязательного аудита в Российской Федерации. Автореф. лисс. на соиск. ... к.ю.н. / Л.Л. Арзуманова. М., 2006. С. 15.
7. Аудит в 2 т. Учебник и практикум для академического бакалавриата / В. А. Ерофеева, В. А. Пискунов, Т. А. Битюкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 348 с.;
8. Аудит и основные направления аудиторской деятельности: Учеб. пособие / Данилевский Ю.А. – М.: ФИПК, 1994. С. 53
9. Аудит: перевод с английского / Дж. Робертсон. – М.: Инвест фонд, 1993. – С. 7.
10. Аудит: учебник / под ред. В.И. Подольского. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2008. 744 с.
11. Булгакова Л.И. Аудит в России: механизм правового регулирования. М., 2005. С. 8-9.
12. Камышанов, П.И. Практическое пособие по аудиту. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 10.
13. Основы аудита: учебное пособие / Г.А. Юдина, М.Н. Черных. 14-е изд., стер. – М.: КноРус, 2024. 342 с.
14. Правовое регулирование аудита в России / В.К. Андреев. – М.: ИНФРА-М, 1996. 127 с.
15. Российское предпринимательское право: учебник / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 14-е изд. – М.: Проспект, 2024. 803 с.
16. Руф, А.Л. Аудит в России / А.Л. Руф // Аудитор. 1998. № 8.
17. Финансовое право: учебник / Е.Ю. Грачева, Э.Д. Соколова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 256 с.
18. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма ИНФРА-М, 2020. 800 с.
19. Финансы: учебник / отв. ред. В.В. Ковалев. 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2024. 926 с.

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЬЕТНАМА

Динь Тхй Сау

*кафедра юриспруденции,
Академия Народной полиции,
Вьетнам, г. Ханой*

Аннотация. В статье рассматриваются случаи освобождения от уголовной ответственности в соответствии с уголовным законодательством Вьетнама.

Abstract. The article examines cases of exemption from criminal liability in accordance with the criminal legislation of Vietnam.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, Вьетнам

Keywords: exemption from criminal liability, Vietnam.

Освобождение от уголовной ответственности представляет собой важный уголовно-правовой институт, отражающий особую политику гуманного подхода со стороны нашего государства к лицам, совершившим преступление. Согласно статье 29 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 года, предусмотрены два вида освобождения от уголовной ответственности: непосредственное освобождение от уголовной ответственности и возможность освобождения от уголовной ответственности.

1. Непосредственное (безусловное) освобождение от уголовной ответственности

Непосредственное освобождение от уголовной ответственности – это случай, когда лицо, совершившее преступление, считается освобождённым от уголовной ответственности автоматически, без необходимости рассмотрения дополнительных условий, при наличии оснований, установленных законом. Такие случаи прямо предусмотрены в пункте 1 статьи 29 и статье 16 Уголовного кодекса, а также в пункте 2 статьи 155 Уголовно-процессуального кодекса 2015 года. Уголовная ответственность подлежит прекращению, если имеются следующие основания:

Во-первых, добровольный отказ от совершения преступления. Согласно статье 16 Уголовного кодекса 2015 года, лицо, добровольно прекратившее преступление на стадии приготовления или покушения, освобождается от уголовной ответственности за умышленное преступление. Речь идёт о ситуации, когда лицо самостоятельно, по собственной воле, отказывается от доведения преступного умысла до конца, несмотря на наличие объективной возможности совершить преступление.

Во-вторых, в процессе расследования, уголовного преследования или судебного разбирательства в силу изменения уголовной политики или законодательства деяние перестаёт считаться общественно опасным. Речь идёт о ситуации, когда лицо совершило деяние, признаваемое преступным на момент его совершения, однако в последующем, в ходе следствия или суда, в результате изменения уголовной политики или законодательства, это деяние теряет характер общественной опасности и больше не подлежит уголовному преследованию.

В-третьих, освобождение от уголовной ответственности возможно при наличии акта об общей амнистии. Общая амнистия представляет собой освобождение от уголовной ответственности за определённые виды преступлений. Акт амнистии применяется к преступлениям, прямо указанным в документе, если они были совершены до даты его издания. В таких случаях уголовное преследование прекращается: если дело уже находится на стадии расследования, предъявления обвинения или судебного разбирательства – оно подлежит приостановлению; если лицо уже осуждено – оно считается несудимым.

В-четвёртых, освобождение от уголовной ответственности предусмотрено для лиц, согласившихся участвовать в шпионаже, но добровольно сообщивших об этом. Этот случай прямо предусмотрен пунктом 4 статьи 110 Уголовного кодекса Вьетнама 2015 года. В соответствии с нормой, лицо, которое дало согласие на выполнение задач шпионского характера, но не выполнило порученное задание и добровольно, честно сообщило об этом компетентному государственному органу, освобождается от уголовной ответственности.

Данная норма направлена на стимулирование добровольного отказа от участия в особо опасной деятельности, наносящей ущерб государственной безопасности, и отражает гуманистическую направленность уголовной политики Вьетнама.

2. Лицо может быть освобождено от уголовной ответственности

Во-первых, в ходе расследования, уголовного преследования или судебного разбирательства, когда в связи с изменением обстановки преступник перестаёт представлять опасность для общества. Данное основание существенно отличается от оснований автоматического освобождения, рассмотренных ранее. Здесь речь идёт не о смене правовой политики, а о реальной смене обстоятельств, в результате которых совершённое преступление перестаёт угрожать общественной безопасности. На практике это очень сложный для оценки случай, по поводу которого существует множество различных мнений. Органы прокуратуры применяют данное основание достаточно редко. Кроме того, в некоторых случаях освобождение связано с тем, что преступник перестал представлять опасность и одновременно ему необходимо поручить выполнение особого задания, которое без его участия было бы трудно осуществить. В таких ситуациях прокуратура может принять решение об освобождении от уголовной ответственности, чтобы обеспечить возможность привлечь его к выполнению данного задания.

Во-вторых, в ходе расследования, преследования или судебного разбирательства, если преступник страдает от тяжёлого заболевания, из-за которого он более не представляет опасности для общества. Тяжёлое заболевание – это заболевание, угрожающее жизни. В Указе №134/2016 приведён перечень таких серьёзных заболеваний, включающий, например, рак, первый инфаркт миокарда, прогрессирующую мышечную атрофию и другие. Однако не любое серьёзное заболевание служит основанием для освобождения от уголовной ответственности – при этом обязательно должно быть условие, что лицо вследствие болезни перестало представлять опасность для общества.

В-третьих, до обнаружения преступления лицо добровольно признаётся в содеянном, подробно описывает обстоятельства дела, активно содействует раскрытию и расследованию преступления, предпринимает меры по минимизации последствий и достигает значительных результатов или вносит особый вклад, признанный государством и обществом.

В-четвёртых, лицо, совершившее неумышленное тяжкое преступление или менее тяжкое преступление, причинившее вред жизни, здоровью, чести, достоинству или имуществу другого человека, которое добровольно возместило причинённый вред, компенсировало ущерб или устранило последствия, а также добровольно примирилось с потерпевшим или его законным представителем и ходатайствует об освобождении от уголовной ответственности.

В-пятых, лицо, не достигшее 18-летнего возраста, совершившее преступление в одном из предусмотренных случаев и имеющее множество смягчающих обстоятельств, которое добровольно исправило большую часть последствий, может быть освобождено от уголовной ответственности, за исключением случаев, предусмотренных статьёй 29 Уголовного кодекса.

Данное положение закреплено в пункте 2 статьи 91 Уголовного кодекса и отражает снисходительную политику в отношении несовершеннолетних правонарушителей, создавая для них благоприятные условия в соответствии с принципами уголовного законодательства.

Шестое, случаи освобождения от уголовной ответственности за отдельные преступления. Уголовный кодекс предусматривает освобождение от ответственности для некоторых конкретных случаев: Лицо, выращивающее наркотические растения по правительственным предписаниям, прошедшее переобучение или подвергнутое наказанию, при условии добровольного уничтожения от 500 до 3000 растений до сбора урожая (п. 4 ст. 247); Лицо, давшее

взятку без принуждения, но добровольно сообщившее об этом до обнаружения (п. 7 ст. 364); Взяточник, заранее сообщивший о преступлении до его обнаружения (п. 6 ст. 365); Лицо, не сообщившее о преступлении, но принявшее меры для предотвращения или ограничения вреда (п. 2 ст. 390).

Список литературы:

1. Уголовный кодекс СРВ 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17225> (дата обращения: 29.05.2025).
2. Уголовное право. Общая часть. Учебник для ВУЗ. Академия народной полиции. Ханой 2017 г.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И СХЕМ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЬЕТНАМА

До Хай Йен

*кафедра юриспруденции,
Академия Народной полиции,
Вьетнам, г. Ханой*

Аннотация. В статье автор анализирует способы, используемые преступниками, занимающимися торговлей людьми во Вьетнаме, что способствует повышению эффективности профилактики данного вида преступлений.

Abstract. In this article, the author analyzes the methods used by criminals involved in human trafficking in Vietnam, which helps to increase the effectiveness of preventing this type of crime.

Ключевые слова: торговля людьми, способы

Keywords: human trafficking, methods

Торговля людьми представляет собой тяжкое преступление, нарушающее права человека, подрывающее общественный порядок и безопасность, влекущее за собой серьёзные последствия не только в физическом и психическом, но также в экономическом и социальном аспектах. В условиях глобализации Вьетнам не остался в стороне от этого опасного явления, оказавшись вовлечённым в круговорот торговли людьми, характеризующийся всё более изощрёнными методами и уловками, выявление которых становится всё сложнее. Согласно статистическим данным, в период с 2018 по 2024 год было возбуждено 1729 уголовных дел, фигурантами которых стали более 3000 обвиняемых; количество пострадавших составило около 8000 человек. Ниже приведены некоторые из наиболее распространённых методов и уловок, применяемых преступниками:

Во-первых, на фоне множества социально-экономических трудностей, особенно в сельских, отдалённых и приграничных районах, многие женщины, в частности представительницы этнических меньшинств, становятся жертвами изощрённых и хорошо организованных сетей торговли людьми. Преступники умело пользуются бедственным положением населения, низким уровнем образования, доверчивостью и отсутствием должной бдительности, чтобы постепенно втереться в доверие и совершить мошенничество. Они действуют не только напрямую – через знакомых, соседей или посредников, – но и активно используют возможности, предоставляемые стремительным развитием информационных технологий, в особенности социальных сетей, таких как Zalo, Facebook*, Viber и др. Через них злоумышленники устанавливают контакт, представляются заботливыми и влюблёнными, добиваются доверия, после чего постепенно втягивают жертв в преступную схему. Ещё более тревожным является тот факт, что такие лица нередко маскируются под посредников по международным бракам, используя этот предлог для осуществления противоправной деятельности скрытым и труднораспознаваемым способом.

Во-вторых, злоумышленники используют слабый контроль со стороны семьи, школы и сообществ над детьми, особенно несовершеннолетними девочками. Преступники через социальные сети (Zalo, Facebook*, TikTok и др.) завоёвывают доверие и вовлекают их в схемы под видом «туризма» или «высокооплачиваемой работы». Пользуясь незнанием, психологической незрелостью и сложным положением семей, они вывозят детей из сельских районов в города, где жертвы оказываются в нелегальной среде с рисками эксплуатации – трудовой, сексуальной и личностной.

В-третьих, на фоне развития цифровых технологий и популярности соцсетей (Facebook*, Zalo, Telegram) преступники всё чаще обманывают и вербуют молодых людей из сельских и отдалённых районов Вьетнама, обещая «лёгкую и высокооплачиваемую работу» за рубежом. После вербовки жертв вывозят легально или нелегально в соседние страны (Камбоджа, Лаос,

Мьянма, Таиланд и др.), где их принуждают работать в нелегальных условиях – казино, онлайн-мошенничество, а иногда и к сексуальной эксплуатации. В-четвёртых, торговля частями человеческого тела, особенно почками, становится всё более изощрённой и организованной, вызывая общественное возмущение и осложняя работу правоохранителей. Брокеры ищут состоятельных пациентов с острой потребностью в пересадке почек, используя соцсети, медицинские форумы и личные связи в больницах. Под видом помощи в поиске доноров они фактически занимаются незаконной торговлей органами. В-пятых, преступные группы создают ассоциации и закрытые сообщества в социальных сетях, например, под названиями вроде «Отдаём и принимаем усыновлённых детей». Через такие каналы они разыскивают беременных женщин, которые не намерены воспитывать ребёнка или находятся в тяжёлом материальном положении, с целью формального усыновления, за которым на деле стоит последующая продажа ребёнка для получения незаконной прибыли. Помимо этого, злоумышленники устанавливают контакты с медицинским персоналом, в том числе с медсёстрами в родильных отделениях, чтобы получать информацию о беременных или женщинах, только что родивших и отказавшихся от воспитания ребёнка. В дальнейшем они предлагают усыновление или «выкуп» новорождённых, после чего перепродают их третьим лицам, также в целях получения нелегального дохода. В-шестых, отдельные лица воспользовались недостаточной эффективностью контроля в киберпространстве для создания закрытых групп и ассоциаций под названиями вроде «Отдача и получение усыновлённых детей». По своей сути эти сообщества выступают в роли посредников и брокеров, занимающихся покупкой и продажей новорождённых с целью извлечения финансовой выгоды. Подобные группы функционируют преимущественно на платформах социальных сетей, таких как Facebook*, Zalo, Telegram и других. Они имеют закрытый характер, участники приглашаются выборочно, что позволяет злоумышленникам уклоняться от выявления и вмешательства со стороны правоохранительных органов. В настоящее время преступления, связанные с торговлей людьми во Вьетнаме, не только увеличиваются по количеству, но и приобретают всё более сложный, изощрённый характер как по методам, так и по способам реализации. Особенно тревожной является тенденция к их транснационализации – преступные группы всё чаще вступают в сговор с международными структурами, формируя замкнутые, чётко организованные сети, охватывающие весь цикл – от вербовки и транспортировки до эксплуатации жертв. Злоумышленники больше не действуют в одиночку: они активно взаимодействуют с иностранными гражданами и организациями, используя пробелы в системе управления иммиграцией, выездом и въездом, экспортом рабочей силы, заключением браков с иностранными гражданами, а также трансграничным усыновлением. Жертвами, как правило, становятся женщины, дети, представители этнических меньшинств и лица, находящиеся в тяжёлом экономическом положении – те, кто поддаётся на обещания «лёгкой» и высокооплачиваемой работы, возможности изменить жизнь, на фальшивые любовные отношения или мнимые трудовые контракты. Для эффективного предупреждения и борьбы с такими преступлениями необходима комплексная стратегия, включающая: Тесное и скоординированное взаимодействие между государственными органами; Повышение правовой и социальной осведомлённости населения, особенно в сельских и приграничных районах; Формирование настороженного отношения к подозрительным предложениям, особенно касающимся трудоустройства за рубежом, браков с иностранцами и деловых приглашений, распространяемых через социальные сети; Ужесточение наказания для преступников, совершенствование законодательства и повышение эффективности международного сотрудничества в области противодействия торговле людьми.

**социальная сеть, запрещенная на территории РФ, как продукт организации Meta, признанной экстремистской – прим. ред.*

Список литературы:

1. Уголовный кодекс СРВ 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17225> (дата обращения: 29.04.2024).
2. Закон о предупреждении и борьбе с торговлей людьми от 28.11.2024.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Караянова Азизат Аскеровна

магистрант,

Филиал Российского экономического университета

им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске Ставропольского края,

РФ, г. Пятигорск

Колесникова Ольга Юрьевна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры правовых дисциплин Филиала Российского экономического университета

им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске Ставропольского края,

РФ, г. Пятигорск

В рамках настоящего понятия «инновационная деятельность» и «инновация» рассматриваются нами в финансово-правовом аспекте как категории, носящие экономико-правовой характер.

Термин «инновация» ввел в научный оборот в 1930-х годах Й.А. Шумпетер, который рассматривал инновации в качестве ключевого фактора развития экономики. Под инновациями указанный автор понимал изменения, проведение которых имеет своей целью внедрение и использование новых видов потребительских товаров, новых производств, транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности.

Большинство специалистов в сфере экономических и юридических наук придерживается мнения о тождестве понятий «инновация» и «нововведение». Инновацию принято рассматривать как «инвестицию в новацию», в качестве результата освоения на практике нового процесса, продукта или услуги. Под новацией понимается какое-то не существовавшее ранее новшество (открытие, изобретение, новый метод удовлетворения потребностей и т.п.).

Инновация представляет собой материализованный результат от вложения капитала в новую технику или технологию, в новые формы организации производства труда, обслуживания, управления и т.п.

Под инновационной деятельностью принято понимать процесс, в ходе которого создаются, осваиваются и распространяются инновации. Результатом инновационной деятельности является инновационный продукт.

Представители экономической и юридической наук рассматривают понятие «инновация» в двух аспектах (значениях): 1) как результат научного исследования и продукт научно-технической деятельности; 2) как процесс внедрения в товарное производство различных новшеств.

Сущность понятия «инновация» проявляется в научно-техническом (инновацией признаются технологические новшества, в качестве которых могут выступать различные объекты интеллектуальной собственности) и предпринимательском (в конечном счете данные объекты направлены на рыночную реализацию) аспектах. Следовательно, инновация одновременно выступает и как объект интеллектуальной собственности, и как товар.

Представители экономической науки отмечают, что инновация призвана выполнять три функции (воспроизводственную, инвестиционную, стимулирующую), которые носят взаимосвязанный характер [13, с. 35; 13, с. 204]. Полагаем, что ряд авторов необоснованно предлагает более широкий подход к трактовке инновации и инновационной деятельности [8, с. 13; 12, с. 36]. Однако, следует согласиться с М.В. Волынкиной, которая достаточно справедливо утверждает, что инновации могут рассматриваться как: 1) процесс; 2) система; 3) изменение; 4) результат. В связи с этим, по ее мнению, одни больше обращают внимание на творческую составляющую, другие – на производственную, третьи – на потребительскую [9, с. 11].

Наиболее универсальным, на наш взгляд, следует признать определение инновации В.М. Коновалова. Данный автор рассматривает инновацию как «результат трансформации идей, исследований в новое или усовершенствованное решение научно-технического или социально-экономического характера, целью которого является достижение общественного признания посредством использования в практической деятельности» [10, с. 19].

В зависимости от предмета и сферы приложения [11; 12, с. 36] инновации могут быть классифицированы на: 1) продуктовые (новые материалы, полуфабрикаты и комплектующие; принципиально новые продукты); 2) процессные (новые методы организации производства (новые технологии)); 3) рыночные (новые сферы применения продукта или предложения по реализации товаров и услуг на новых рынках).

В зависимости от типа новизны для рынка инновации классифицируются на новые для: 1) отрасли в мире; 2) отрасли в стране; 3) данного предприятия (группы предприятий).

В зависимости от стимула появления (источника) инновации могут быть вызваны: 1) развитием науки и техники; 2) потребностями производства; 3) потребностями рынка.

В зависимости от места в системе (на предприятии, в фирме) выделяются инновации: 1) на входе предприятия (сырье, оборудование, информация и др.); 2) на выходе предприятия (изделия, услуги, технологии, информация и др.); 3) системной структуры предприятия (управленческой, производственной).

В зависимости от глубины вносимых изменений инновации классифицируются на: 1) радикальные (базисные); 2) улучшающие; 3) модификационные (частные).

Д.М. Степаненко выделяет такие формы инноваций, как: открытия, изобретения, патенты; рационализаторские предложения; ноу-хау; товарные знаки, торговые марки, эмблемы; новые документы, описывающие технологические, производственные, управленческие процессы, конструкции, структуры, методы [15, с. 77-79].

Впервые легальное определение инновации (нововведения) было закреплено в Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 годы [6], а инновационной деятельности и инновационной продукции в Основных направлениях политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года [7].

Полагаем необходимым выявить, как соотносятся между собой закрепленные в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» [3] понятия «инновационная деятельность», «научная (научно-исследовательская) деятельность» и «научно-техническая деятельность».

Сравнительный анализ понятий «научная (научно-исследовательская) деятельность» и «научно-техническая деятельность» позволяет прийти к выводу, что первое по своему содержанию несколько шире второго, т.к. последнее ограничивается производственно-технической сферой. Конечный продукт научной деятельности представляет собой результат, который содержит в себе новые знания или решения и зафиксирован на любом информационном носителе.

Инновационная деятельность отличается от указанных выше видов деятельности, т.к. ее содержание составляет дальнейшее использование, внедрение результатов научной (научно-исследовательской) и научно-технической деятельности, экспериментальных разработок.

На практике можно наблюдать тесную связь между инновационной и научной деятельностью. В процессе использования или внедрения научных результатов и экспериментальных разработок проводятся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), получаются новые или дополнительные результаты.

В законодательстве о налогах и сборах термин «инновационная деятельность» был закреплен в ст. 67 НК РФ [1], которая устанавливает право организаций, осуществляющих внедренческую и (или) инновационную деятельность, на получение инвестиционного налогового кредита. Позже данный термин законодатель употребил в ст. 10 Федерального закона «О статусе наукограда в Российской Федерации» [4]. В связи с тем, что большое количество инновационных организаций относится к числу субъектов малого и среднего предпринимательства, в ст. 22 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [5] были выделены специфические формы и виды поддержки таких субъектов в том числе и области инноваций.

В иных законодательных актах федерального уровня, в том числе и в части 4 ГК РФ [2], практически не используется терминология, связанная с инновациями и инновационной деятельностью.

Анализ действующего законодательства позволяет прийти к выводу об отсутствии в нем универсальных легальных определений понятий «инновация» и «инновационная деятельность», что влечет за собой проблемы правоприменительного характера.

В связи с тем, что отдельные законодательные положения, относящиеся к инновационной деятельности, неоднозначно трактуются необходимо гармонизировать правовую терминологию в данной сфере. Кроме того, необходимо законодательно оформить и основные направления федеральной государственной политики в целях развития инновационной деятельности.

В рыночной экономике на современном этапе научной и инновационной деятельности отводится ключевая роль, т.к. с их помощью обеспечиваются снижение себестоимости продукции, привлечение инвестиций, открытие и освоение новых внутренних и внешних рынков. Инновации в условиях современного производства служат основой конкурентоспособности продукции.

Проведенный анализ свидетельствует о существенном отставании текущего состояния нормативно-правового регулирования инновационной деятельности в России от требований времени и стоящих перед государством социально-экономических задач. Необходимо также гармонизировать правовую терминологию. Таким образом, следует решить на законодательном уровне эти вопросы, а также определить основные долгосрочные направления федеральной государственной политики по развитию инновационной сферы.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 31.05.2025 г.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 31.05.2025 г.).
3. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике» // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 31.05.2025 г.).
4. Федеральный закон от 07.04.1999 № 70-ФЗ (ред. от 20.04.2015) «О статусе наукограда Российской Федерации» // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 10.05.2025 г.).
5. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 10.05.2025 г.).
6. Постановление Правительства РФ от 24.07.1998 № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 31.05.2025 г.).
7. Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года (утв. Правительством РФ 05.08.2005 № 2473п-П7) // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 31.05.2025 г.).
8. Алхимия инноваций. / Алан Баркер [Пер. с англ. А.Р. Ханукаевой под ред. В.Б. Кулябиной]. – М.: Вершина, 2003. С. 13.

9. Волынкина М.В. Правовое регулирование инновационной деятельности. Проблемы теории. М.: Аспект Пресс, 2007.- С. 11.
10. Инновационная сага / В.М. Коновалов. М.: Вильямс, 2005. С. 19.
11. Инновационный менеджмент / Э.А. Уткин, Г.И. Морозова, Н.И. Морозова. – М.: АКАЛИС, 1996. – 207 с.;
12. Инновационный менеджмент: Справочное пособие / Под ред. П.Н. Завлина. СПб.: Наука 1997. С. 36;
13. Инновационный менеджмент: Учебник / В.Г. Медынский. М.: ИНФРА-М, 2024.-С: 35;
14. Менеджмент инвестиций и инноваций в малом и венчурном бизнесе: Учебное пособие / В.М. Аньшин, С.А. Филин. М.: Анкил, 2024. С. 204.
15. Степаненко, Д.М. Классификация инноваций и ее стандартизация / Д.М. Степаненко // Инновации. 2004. № 7. С. 77-79.

МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ: ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ И ПРОБЕЛЫ

Ломова Анна Евгеньевна

*магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
РФ, г. Белгород*

INTERNATIONAL ADOPTION AND PREVENTION OF CHILD TRAFFICKING: LEGAL GUARANTEES AND GAPS

Anna Lomova

*Master's student of the Law Institute
Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod*

Аннотация. В статье рассматриваются правовые механизмы противодействия торговле детьми в контексте международного усыновления. Анализируются нормы Гаагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления 1993 года, а также национальное законодательство отдельных государств. Выявляются пробелы в правовом регулировании, способствующие злоупотреблениям, и предлагаются меры по усилению защиты прав детей.

Abstract. The article examines legal mechanisms to combat child trafficking in the context of international adoption. It analyzes the provisions of the 1993 Hague Convention on Protection of Children and Co-operation in Respect of Intercountry Adoption, as well as national legislation of selected states. The study identifies gaps in legal regulation that contribute to abuses and proposes measures to strengthen the protection of children's rights.

Ключевые слова: международное усыновление, торговля детьми, Гаагская конвенция 1993 года, защита прав ребёнка, незаконное усыновление.

Keywords: international adoption, child trafficking, Hague Convention of 1993, child rights protection, illegal adoption.

Международное усыновление (удочерение) является важным инструментом обеспечения права ребёнка на семью [3, ст. 7]. Однако наряду с гуманными целями оно может использоваться в преступных схемах, включая торговлю детьми [4]. Несмотря на существование международных и национальных правовых механизмов, проблема незаконного усыновления остаётся актуальной [6, р. 23].

Цель исследования – проанализировать действующие правовые гарантии противодействия торговле детьми в рамках международного усыновления и выявить пробелы в регулировании.

Международное сообщество признаёт необходимость защиты детей от незаконного усыновления и торговли, что нашло отражение в ряде ключевых документов. Гаагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления (1993 г.) служит основным правовым инструментом, регулирующим межгосударственное усыновление [2]. Её положения направлены на минимизацию рисков коммерциализации процесса, устанавливая следующие гарантии:

- Принцип субсидиарности – усыновление за рубежом допускается только при невозможности устройства ребёнка в семью в стране происхождения [2, ст. 4b].
- Запрет незаконного обогащения – все финансовые операции должны быть прозрачными и не носить характер купли-продажи [2, ст. 32].

- Добровольность согласия биологических родителей – исключается принуждение или введение в заблуждение [2, ст. 4с].
- Контроль со стороны уполномоченных органов – каждое усыновление требует санкционирования компетентными учреждениями обоих государств.

Несмотря на эти меры, Конвенция имеет ограниченную сферу действия – согласно отчету НССН (2023), по состоянию на 2024 год Гаагскую конвенцию ратифицировали лишь 103 государства [8, р. 15]. Данные UNICEF (2022) подтверждают сохранение рисков незаконных схем в странах, не присоединившихся к Конвенции (например, Эфиопия, Камбоджа) [6, р. 34].

Дополнительные гарантии содержатся в Конвенции ООН о правах ребёнка (1989 г.), которая запрещает любые формы эксплуатации детей [3, ст. 35], и Палермском протоколе (2000 г.), квалифицирующем торговлю людьми как преступление [4, ст. 3]. Однако их нормы носят декларативный характер – механизмы принудительного исполнения отсутствуют.

Ключевые проблемы правоприменения вытекают из самой природы международного усыновления как трансграничного процесса. Отсутствие универсальной юрисдикции создаёт серьёзные препятствия для привлечения к ответственности преступных сетей, действующих на территории нескольких государств, поскольку правовые системы разных стран зачастую не имеют эффективных механизмов взаимодействия в расследовании подобных дел. Особую сложность представляет доказывание фактов принуждения при оформлении отказа от ребёнка, так как в некоторых юрисдикциях процедуры проверки добровольности такого решения остаются формальными и не исключают давления на биологических родителей через коррупционные схемы или психологическое воздействие. Ещё более усугубляет ситуацию отсутствие единой международной системы отслеживания дальнейшей судьбы усыновлённых детей, что приводит к разрыву информационного взаимодействия между странами-донорами и реципиентами и создаёт почву для злоупотреблений уже после завершения юридической процедуры усыновления. Эта институциональная разобщённость на международном уровне существенно снижает эффективность существующих правовых гарантий защиты детей от торговли под видом усыновления.

Таким образом, существующая система международно-правового регулирования обеспечивает лишь базовые гарантии, требуя дальнейшей гармонизации законодательств и усиления межгосударственного контроля.

Рассматривая систему национального законодательства в сфере международного усыновления, следует отметить существенные различия в подходах различных государств к регулированию данного вопроса. Эти различия зачастую создают правовые лакуны, которыми пользуются преступные группы, занимающиеся торговлей детьми под видом усыновления.

На примере России можно наблюдать жесткий регуляторный подход, выразившийся в принятии в 2012 году так называемого «закона Димы Яковлева» (Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ [1]), который полностью запретил усыновление российских детей гражданами США. Данная мера, хотя и была продиктована конкретными трагическими случаями, демонстрирует тенденцию к ограничительной политике в ответ на системные нарушения прав детей при международном усыновлении.

Соединенные Штаты, как одна из основных стран-реципиентов усыновленных детей, ввели в 2012 году закон «Intercountry Adoption Universal Accreditation Act» [7], направленный на усиление контроля над агентствами по усыновлению. Тем не менее, даже такая развитая правовая система не гарантирует полного исключения злоупотреблений.

Как отмечает В.Г. Бессарабов [5, ст. 48], основные системные недостатки национальных законодательств можно свести к следующим аспектам: недостаточная глубина проверки потенциальных усыновителей во многих юрисдикциях, отсутствие эффективных механизмов пост-усыновительного мониторинга, а также слабая уголовная ответственность за незаконное посредничество в сфере усыновления. Эти пробелы в правовом регулировании создают благоприятную почву для криминальных схем, маскирующих торговлю детьми под легальные процедуры международного усыновления.

Для создания эффективной системы противодействия торговле детьми под видом международного усыновления требуется комплексный подход, сочетающий международное

сотрудничество с модернизацией национальных законодательств. Первоочередной задачей является расширение круга стран-участниц Гаагской конвенции 1993 года, что позволит унифицировать правовые стандарты и процедуры усыновления на глобальном уровне. Особое внимание следует уделить вовлечению в конвенционную систему государств, являющихся традиционными «донорами» детей для международного усыновления, но пока не присоединившихся к этому важнейшему международному договору.

Современные цифровые технологии открывают новые возможности для повышения прозрачности процедур международного усыновления. Создание международной электронной системы учета с применением блокчейн-технологий могло бы обеспечить надежную фиксацию всех этапов процесса усыновления – от первичного решения до окончательного устройства ребенка. Такой подход позволил бы минимизировать риски фальсификации документов и создать единую базу данных для контроля со стороны компетентных органов разных стран.

Не менее важным направлением совершенствования является гармонизация уголовного законодательства государств в части ответственности за незаконное посредничество в усыновлении. Требуется установление единых стандартов наказания за подобные преступления, включая квалифицированные составы, связанные с торговлей детьми. Особое внимание следует уделить вопросам экстрадиции и взаимной правовой помощи при расследовании трансграничных преступлений в данной сфере.

Завершающим элементом системы защиты должен стать обязательный пост-усыновительный мониторинг, включающий не только юридическое сопровождение, но и психологическую поддержку усыновленных детей. Разработка международных стандартов такого сопровождения с учетом возрастных и культурных особенностей детей могла бы стать важным шагом в обеспечении их успешной адаптации и защите от возможных злоупотреблений.

Проведенный анализ выявил системные недостатки в регулировании международного усыновления, создающие почву для торговли детьми. Несмотря на существующие международные и национальные правовые механизмы, их фрагментарность и отсутствие эффективных инструментов контроля сохраняют значительные риски злоупотреблений.

Реализация предложенных мер позволит трансформировать международное усыновление в действительно безопасный институт, обеспечивающий защиту интересов ребенка как высшей ценности современного правопорядка. Достижение этой цели требует консолидированных усилий всего международного сообщества.

Список литературы:

1. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : федер. закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.
2. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления [Электронный ресурс] : [заключена в г. Гааге 29.05.1993] // Гаагская конференция по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net> (дата обращения: 28.05.2025).
3. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : [принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20.11.1989] // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 26.05.2025).
4. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее [Электронный ресурс] : [дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН 15.11.2000] // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 27.05.2025).
5. Бессарабов В.Г. Международное усыновление: правовые проблемы и пути их решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3 (74). Ст. 45-53.

6. Child Trafficking and Illegal Adoptions : Global Report 2022 / UNICEF. New York : UNICEF, 2022. 87 p.
7. Intercountry Adoption Universal Accreditation Act of 2012 : [публичный закон 112-276, принят 19.12.2012] // United States Congress. URL: <https://www.congress.gov> (дата обращения: 27.05.2025).
8. Statistical Report on Intercountry Adoptions 2023 / Hague Conference on Private International Law. The Hague : HCCH, 2023. 64 p.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И УКРАИНЫ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Ломова Анна Евгеньевна

магистрант Юридического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
РФ, г. Белгород

Цуканов Олег Владимирович

научный руководитель,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
РФ, г. Белгород

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ института наследования в гражданском законодательстве Российской Федерации и Украины. Исследуются общие черты и национальные особенности правового регулирования оснований наследования, порядка принятия наследства, защиты прав наследников. Особое внимание уделяется сравнительной характеристике наследования по закону и завещанию, а также специфике наследования отдельных видов имущества. На основе проведенного анализа выявляются тенденции развития наследственного права в обеих странах и формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Abstract. The article presents a comparative analysis of the inheritance institution in the civil legislation of the Russian Federation and Ukraine. It examines the common features and national peculiarities of legal regulation concerning inheritance grounds, inheritance acceptance procedures, and the protection of heirs' rights. Special attention is given to the comparative characteristics of intestate and testamentary succession, as well as the specifics of inheriting particular types of property. Based on the conducted analysis, the study identifies development trends in inheritance law in both countries and formulates proposals for legislative improvement.

Ключевые слова: наследственное право, сравнительное правоведение, наследование по закону, наследование по завещанию, Гражданский кодекс РФ, Гражданский кодекс Украины.

Keywords: inheritance law, comparative jurisprudence, intestate succession, testamentary succession, Civil Code of the Russian Federation, Civil Code of Ukraine.

Институт наследования занимает центральное место в системе гражданского права любого государства [6, с. 15]. В условиях глобализации и усиления международных частноправовых отношений сравнительный анализ наследственного права различных стран приобретает особую актуальность [7, с. 35]. Россия и Украина, имеющие общие исторические корни правового развития [9, с. 42], тем не менее демонстрируют существенные различия в регулировании наследственных отношений.

Целью настоящего исследования является выявление общих тенденций и национальных особенностей правового регулирования наследования в России и Украине.

Ядро наследственного права обеих стран образуют два традиционных основания: наследование по завещанию и по закону.

Российский законодатель (ст. 1118 ГК РФ [2]) придерживается более формализованного подхода, требуя нотариального удостоверения завещания как общего правила.

Украинское право (ст. 1247 ГК Украины [4]) демонстрирует большую гибкость, сохраняя институт собственноручных завещаний без нотариального заверения. Эта разница отражает разную степень доверия к нотариату и традиции частного правотворчества.

В системе наследования по закону обращает на себя внимание разница в количестве очередей: 8 в России против 5 в Украине. Украинский законодатель ввел специальную очередь для сожителей (ст. 1264 ГК Украины), что свидетельствует о более прогрессивном подходе к защите фактических семейных отношений. Российское право в этом аспекте остается более консервативным, не признавая сожителей наследниками по закону [3].

Процедура принятия наследства в обеих странах строится на общем шестимесячном сроке, но украинский законодатель предусмотрел более гибкий механизм его восстановления.

Особого внимания заслуживает разница в способах принятия: если российское право ограничивается нотариальным заявлением и фактическим принятием (ст. 1153 ГК РФ), то украинское – дополнительно предусматривает упрощенную процедуру через сельские советы (ст. 1268 ГК Украины), что учитывает особенности сельской местности.

Институт обязательной доли демонстрирует разный подход к защите уязвимых категорий [5]. Украинский законодатель устанавливает фиксированный размер в 50 % от законной доли (ст. 1241 ГК Украины), тогда как российский – использует гибкую формулу «не менее 50 %» (ст. 1149 ГК РФ), предоставляя судам больше дискреционных полномочий.

При сравнительном анализе материально-правовых аспектов наследования в России и Украине выявляются принципиальные различия, отражающие особенности экономических систем и правовых традиций двух стран. Наиболее показательными в этом отношении являются три ключевых направления регулирования.

В сфере наследования предприятий российское законодательство (ст. 1178 ГК РФ) придерживается общего подхода с минимальными специальными нормами, рассматривая предприятие как имущественный комплекс.

Украинский законодатель (ст. 1300 ГК Украины), напротив, детально регламентирует особый порядок перехода прав на предприятие, включая вопросы правопреемства в отношении долгов и обязательств, что отражает более развитую практику предпринимательского наследования.

Особенно заметны различия в регулировании наследования земельных участков. Российское право, сохраняя традиции единого правового пространства, устанавливает общие правила наследования земель независимо от их категории. Украинское законодательство, учитывая специфику аграрного сектора и исторические особенности земельной реформы, предусматривает дифференцированный подход к наследованию паевых земель и земель сельскохозяйственного назначения, что порождает особую систему ограничений и разрешительных процедур.

Наиболее существенные расхождения наблюдаются в сфере наследования интеллектуальных прав.

Если российский законодатель (ст. 1283 ГК РФ) закрепляет общий принцип перехода исключительных прав на весь срок их действия, то украинское право (ст. 430 ГК Украины) устанавливает сложную систему дифференциации в зависимости от вида интеллектуальной собственности, предусматривая в отдельных случаях специальные режимы наследования авторских прав и прав промышленной собственности.

Эти различия в материально-правовом регулировании отражают не только технико-юридические особенности законодательных систем, но и разную степень адаптации наследственного права к современным экономическим реалиям. Украинский подход демонстрирует большую гибкость и специализацию норм [8, с. 56], тогда как российский – стремится к унификации и упрощению наследственных процедур.

Проведенный сравнительно-правовой анализ наследственных институтов России и Украины раскрывает диалектику общего и особенного в развитии двух родственных правовых систем [6, с. 195; 8, с. 162].

Общность исторических корней, восходящих к советскому наследственному праву, создает прочную основу для сопоставления, тогда как тридцатилетний период самостоятельного развития обусловил появление существенных различий в правовом регулировании [6, с. 78].

Российское законодательство демонстрирует тенденцию к систематизации и унификации наследственных норм, сохраняя при этом определенный консерватизм в вопросах круга наследников и формы завещаний [1]. Украинский законодатель, напротив, проявляет большую гибкость и адаптивность, что особенно заметно в признании наследственных прав сожителей и развитии альтернативных форм завещательных распоряжений.

Современное развитие наследственного права в обеих странах происходит под влиянием двух взаимосвязанных факторов: стремительной цифровизации общественных отношений и усложнения структуры наследственной массы [7, с. 40].

Эти процессы требуют переосмысления традиционных подходов к оформлению наследственных прав и защиты интересов наследников.

Особую актуальность приобретают вопросы наследования цифровых активов и интеллектуальной собственности, где российский и украинский законодатели идут схожими, но не идентичными путями.

Перспективы совершенствования наследственного права видятся в поиске баланса между стабильностью правового регулирования и необходимостью учета новых социально-экономических реалий [9, с. 105].

Опыт украинского законодательства в части расширения круга наследников и развития гибких механизмов наследования может быть полезен для российской правовой системы.

В то же время российский подход к систематизации наследственных норм представляет интерес для украинских коллег. В условиях глобализации особое значение приобретает гармонизация положений о наследовании трансграничного имущества, что требует продолжения сравнительно-правовых исследований и развития международного сотрудничества в этой сфере.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Собрании законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 23.04.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.
4. Гражданский кодекс Украины: Закон Украины от 16.01.2003 № 435-IV (в ред. от 01.01.2024) // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40-44. – Ст. 356.
5. Решение Верховного Суда Украины от 15.03.2021 по делу № 761/235/19 // Офіційний вісник України. – 2021. – № 25. – Ст. 891.
6. Беспалов, Ю.Ф. Наследственное право России и Украины: сравнительно-правовой анализ / Ю.Ф. Беспалов. – Москва: Проспект, 2022. – Ст. 216.
7. Грудцына, Л.Ю. Современные тенденции развития наследственного права / Л.Ю. Грудцына // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – Ст. 34–48.
8. Коваленко, О.В. Украинское наследственное право: традиции и новации / О.В. Коваленко. – Киев: Юринком, 2021. – Ст. 184.
9. Рясенцев, В.А. Наследственное право / В.А. Рясенцев. – Москва: Норма, 2020. – Ст. 320.

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ НА ПРИМЕРЕ УФСИН РОССИИ ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ

Нефёдова Надежда Игоревна

магистрант,

Всероссийский государственный университет юстиции,

РФ, г. Хабаровск

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации представляет собой одну из наиболее сложных и рискованных сфер государственной службы, где сотрудники ежедневно сталкиваются с повышенными профессиональными рисками. Специфика деятельности пенитенциарных учреждений обуславливает необходимость создания эффективной системы социальной защиты персонала, важнейшим элементом которой является страхование жизни и здоровья.

Система страхования жизни и здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы базируется на комплексе федеральных законов и подзаконных актов. основополагающим документом является Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ "О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"", который устанавливает принципы социальной защиты сотрудников УИС [с. 464].

Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ "О статусе военнослужащих" в части, касающейся страхования, также распространяется на сотрудников УИС согласно принципу аналогии правового регулирования. Данный нормативный акт предусматривает обязательное государственное страхование жизни и здоровья на сумму, кратную окладу по воинской должности. [8. С. 12-19]

Постановление Правительства РФ от 29.07.1998 № 855 "О порядке обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы" конкретизирует механизмы реализации страховой защиты. [3. с. 25-32]

УФСИН России по Хабаровскому краю представляет собой территориальный орган федеральной службы исполнения наказаний, осуществляющий управление учреждениями и органами, исполняющими наказания, на территории Хабаровского края. В структуру управления входят 15 исправительных учреждений различных видов режима, 2 следственных изолятора, 7 уголовно-исполнительных инспекций, а также специализированные подразделения.

Общая численность персонала УФСИН по Хабаровскому краю на конец 2024 года составляет 4 847 человек. Статистический анализ страховых случаев в УФСИН России по Хабаровскому краю за 2024 год выявляет значительное количество обращений за страховыми выплатами. Общее количество зарегистрированных страховых случаев составило 127, что на 23 % больше по сравнению с предыдущим годом (103 случая в 2023 году).

Географические и климатические особенности Хабаровского края создают специфические факторы риска для сотрудников УИС. Суровые зимние условия способствуют увеличению количества травм, связанных с обморожениями и падениями на скользких поверхностях. За 2024 год зарегистрировано 23 случая травматизма, обусловленного неблагоприятными погодными условиями.

Размеры страховых выплат в Хабаровском крае соответствуют федеральным стандартам, однако их покупательная способность с учетом региональных особенностей ценообразования оказывается ниже, чем в центральных регионах. [с. 640] Коэффициент соотношения средней страховой выплаты к среднему доходу в регионе составляет 0,73, что указывает

на необходимость корректировки размеров выплат с учетом региональных экономических условий.

Реализация предложенных мер позволит создать более эффективную и справедливую систему страхования, способную обеспечить надежную социальную защиту сотрудников УИС и повысить престиж службы в пенитенциарной системе. [4. с. 89-97] Это, в свою очередь, будет способствовать стабилизации кадрового состава, повышению качества исполнения служебных обязанностей и укреплению правопорядка в местах лишения свободы.

Список литературы:

1. Роик В.Д. Социальное страхование: теория и практика организации / В.Д. Роик. – М.: Проспект, 2019. – 464 с.
2. Соловьев А.К. Пенсионная реформа в России: проблемы и перспективы развития системы социального страхования / А.К. Соловьев // Финансы. – 2020. – № 8. – С. 12-19.
3. Дегтярев Г.П. Обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: состояние и пути развития / Г.П. Дегтярев, И.В. Козлова // Социальное и пенсионное право. – 2021. – № 3. – С. 25-32.
4. Захаров М.Л. Право социального обеспечения России: учебник / М.Л. Захаров, Э.Г. Тучкова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2018. – 640 с.
5. Федорова Т.А. Цифровизация системы социального страхования: современные тенденции и перспективы развития / Т.А. Федорова // Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 89-97.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Нефёдова Надежда Игоревна

магистрант,

*Всероссийский государственный университет юстиции,
РФ, г. Хабаровск*

Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) характеризуется повышенным риском причинения вреда жизни и здоровью в связи со спецификой выполняемых профессиональных обязанностей. Однако анализ действующего законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о наличии существенных проблем в правовом регулировании данной сферы общественных отношений. [3, с. 45-52]

Детальное регулирование вопросов обязательного государственного страхования содержится в Федеральном законе от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», действие, которого распространяется на сотрудников УИС в соответствии с Федеральным законом от 14.04.2010 № 67-ФЗ «Об обеспечении деятельности уголовно-исполнительной системы». Кроме того, применимы положения Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также подзаконных актов, включая постановления Правительства РФ и ведомственные нормативные акты ФСИН России. [с. 298]

Правовое регулирование обязательного страхования жизни и здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы осуществляется комплексом нормативных правовых актов различного уровня. основополагающим документом выступает Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», который устанавливает общие принципы социальной защиты сотрудников учреждений и органов УИС.

Существенной проблемой является неполнота правового регулирования. Нормы об обязательном страховании сотрудников УИС рассредоточены по множеству нормативных актов, что создает сложности в их применении и может приводить к коллизиям правовых норм. Отсутствие единого кодифицированного акта, регулирующего все аспекты страхования данной категории работников, затрудняет правоприменительную практику и снижает эффективность защиты их прав и законных интересов. [2, с. 78-85]

Также необходимо отметить положения, касающиеся обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС), отраженные в статье 20 Федерального закона № 45-ФЗ «О государственной защите судей, сотрудников правоохранительных и контролирующих органов». Проанализировав содержание всех упомянутых нормативных актов, можно прийти к выводу о различиях в подходах к определению размера страховых выплат. [с. 298] Так, согласно Федеральным законам № 52-ФЗ и № 283-ФЗ, размер таких выплат устанавливается в фиксированной сумме и подлежит регулярной индексации, тогда как нормы Федерального закона № 45-ФЗ предусматривают, что страховая выплата рассчитывается исходя из размера заработной платы сотрудника. [12, с. 67-78]

Для преодоления выявленных противоречий целесообразно закрепить единый порядок определения размера страховой выплаты и внести соответствующие изменения в статью 20 Федерального закона № 45-ФЗ, а именно – исключить из пунктов 1 и 3 данной статьи упоминание «сотрудника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы» и дополнить её формулировкой: «Страховые гарантии сотрудникам учреждений и органов УИС, указанным в пункте 6.1 части 1 статьи 2, предоставляются в соответствии с Федеральным законом № 52-ФЗ». [4, с. 123-135]

В результате проведенного исследования установлено, что на практике выполнение положений указанных законов осуществляется практически по тем же порядку и правилам, что предусмотрены для обязательного государственного страхования как Федеральным законом № 52-ФЗ, так и Федеральным законом № 283-ФЗ.

Однако такая ситуация, является недопустимой, поскольку между этими нормативными актами существуют противоречия и различия в подходах к определению размера страховых выплат. Преодолеть обозначенное несовершенство возможно путем разработки и утверждения единого ведомственного нормативного правового акта, регулирующего порядок возмещения вреда здоровью, полученного сотрудниками уголовно-исполнительной системы в период прохождения службы.

Список литературы:

1. Антонова, Н.А. Правовое регулирование социальной защиты сотрудников правоохранительных органов / Н.А. Антонова // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 45-52.
2. Васильев, П.И. Проблемы обязательного страхования в уголовно-исполнительной системе / П.И. Васильев // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – № 2. – С. 78-85.
3. Громов, С.В. Социальные гарантии сотрудников УИС: теория и практика / С.В. Громов. – М.: Юрист, 2021. – с. 298.
4. Жданов, Н.М. Обязательное социальное страхование: правовые проблемы / Н.М. Жданов // Журнал российского права. – 2021. – № 12. – С. 67-78.
5. Иванов, К.С. Механизмы социальной защиты в правоохранительной сфере / К.С. Иванов // Российский юридический журнал. – 2022. – № 4. – С. 123-135.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОДЫ В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Огай Алексей Данилович

студент,

Ташкентский государственный юридический университет

Узбекистан, г. Ташкент

Аннотация. Промышленное загрязнение водных ресурсов остается важной экологической проблемой в Республике Узбекистан. В настоящей статье проведен анализ правовых аспектов регулирования промышленного загрязнения водных ресурсов. В ней выявлены пробелы в действующем законодательстве, рассмотрен международный опыт, применимый к условиям Узбекистана. Автор выдвигает ряд предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы и правоприменительной практики в области охраны вод от промышленного загрязнения.

Ключевые слова: загрязнение воды, экологическое право, промышленное загрязнение, водные ресурсы, экологическая ответственность, Устойчивое развитие.

В современном мире, в котором промышленная революция произошла относительно давно, а рыночные отношения являются основой экономики большинства стран мира, возникает острый вопрос интеграции правового регулирования охраны окружающей среды в предпринимательскую деятельность и промышленность, в частности. Первоначально оно должно быть направлено на минимизацию отрицательного воздействия предприятий на окружающую среду.

В условиях индустриализации и роста производства возрастает нагрузка на природные экосистемы, особенно водные. Узбекистан, страна с ограниченными водными ресурсами и уязвимой экологической системой, сталкивается с проблемой загрязнения воды промышленными сточными водами, воздействующими на реки, каналы и подземные воды. Эффективное регулирование правовой сферы необходимо для устойчивого развития и защиты здоровья населения.

Негативное воздействие предприятий на экологию можно распределить по следующим группам:

1. Выбросы газов. Различные типы газов, выбрасываемые в атмосферу в большом объеме, приводят к загрязнению воздуха, повышению средней температуры воздуха и образованию озоновых дыр.

2. Промышленные сточные воды. Промышленные процессы приводят к загрязнению воды путем ее контакта с газами, жидкостями и твердыми отходами.

3. Твердые токсичные отходы. Токсичные вещества и тяжелые металлы, выбрасываемые на землю, отравляют почву и делают ее непригодной

для сельскохозяйственной и скотоводческой деятельности, что ставит под угрозу сохранение экосистем суши.

4. Звуковое и загрязнение. Деятельности некоторых типов промышленных предприятий издает шум высокого уровня, что сказывается на здоровье людей, животных и даже растений.

Промышленные предприятия в Узбекистане – один из крупнейших источников загрязнения воды. Основными отраслями, оказывающими негативное воздействие на водную среду, являются:

- химическая промышленность (Навои, Фергана);
- нефтеперерабатывающие заводы (Алтыарык, Фергана НПЗ);
- горнодобывающая и металлургическая отрасли (Алмалыкский ГМК);
- текстильное производство;
- агропромышленный комплекс.

В сточных водах содержатся тяжелые металлы, нефтепродукты, фенолы, сероводород, что приводит к деградации водной флоры и фауны, загрязнению источников питьевой воды и нарушению санитарных норм.

Промышленные предприятия играют важную роль в экономическом развитии, но их воздействие на окружающую среду является значительным вызовом. Переход к более устойчивым производственным процессам – это долгосрочная задача, требующая взаимодействия между государством, предприятиями и обществом.

Охрана окружающей среды важна не меньше охраны государственных границ, неприкосновенности жилища, охраны здоровья и иных прав человека.

Экологическое законодательство Республики Узбекистан прошло значительный путь по формированию и изменению и продолжает развиваться в контексте Целей устойчивого развития, разработанных ООН. Узбекистан принял на себя обязательство по обеспечению шестнадцати из семнадцати целей устойчивого развития, пять из которых касаются охраны окружающей среды:

1. Чистая вода и санитария;
2. Устойчивая и надежная энергия;
3. Ответственное потребление и производство;
4. Борьба с изменением климата;
5. Сохранение экосистем суши.

Основополагающим нормативно-правовыми актами в области охраны окружающей среды и водных ресурсов в Республике Узбекистан стали Закон Республики Узбекистан «Об охране природы» от 1992 года и Закон Республики Узбекистан «О воде и водопользовании» от 1993 года. Сегодня Республика Узбекистан активно проводит работу в области обеспечения охраны окружающей среды. К таким программам можно отнести Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении концепции охраны окружающей среды Республики Узбекистан до 2030 года». Более того в Конституцию Республики Узбекистан были внесены поправки, таким образом статей 49 Конституции обеспечивается право каждого на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии .

Невзирая на проведенную объемную работу, перед нами все еще стоит ряд экологических проблем, которые нельзя игнорировать. Аральская катастрофа, опустынивание земель, загрязнение воздуха, непригодность существующих технологий по переработке отходов.

Основным источником угрозы для окружающей среды, исходящим от деятельности предприятий, являются отходы различных типов: газовые, твердые и жидкие. Главным нормативно-правовым актом, регулирующим правоотношения в сфере обращения с отходами в Республике Узбекистан, является ЗРУ «Об отходах».

В законе закреплены основные принципы, классификация отходов, компетенция органов власти, права и обязанности физических, юридических

лиц и субъектов предпринимательской деятельности, экономические инструменты стимулирования предприятий по утилизации отходов и уменьшению их образования, ответственность за нарушения.

Говоря об ответственности за нарушения, в законе отсутствует конкретная формулировка видов применяемых санкций. За нарушения законодательства в сфере обращения с отходами предусмотрена административная ответственность (статьи 65, 91, 91¹, 105, 219, 219¹ КоАО РУз)

и уголовная ответственность (статья 185¹). Для обеспечения более эффективной работы Закона «Об отходах» считаем необходимым включить в Закон нормы, предусматривающие административную и уголовную ответственность.

Помимо этого, внести в Закон дополнительные нормы о предельно допустимых выбросах (ПДВ), предельно допустимых сбросах (ПДС) и предельно допустимых концентрациях (ПДК) вредных веществ.

Учитывая информацию, приведенную выше, становится ясно, что загрязнение окружающей среды в наивысшей степени происходит в результате деятельности предприятий, в частности в результате выброса отходов. С целью

сохранить биоразнообразие и благоприятное состояние экологии для будущих поколений необходимо уже сейчас начать работу по минимизации загрязнения атмосферного воздуха, земли и воды. Особое внимание важно уделить правовому подходу в сфере обращения с промышленными отходами.

Международная практика показывает, что устойчивые системы регулирования водного загрязнения в промышленности требуют внедрения принципов «загрязнитель платит» и «предотвращение ущерба». В странах Европейского союза действует директива об очистке городских и промышленных сточных вод (Directive 91/271/EEC), предусматривающая обязательное оборудование предприятий системами очистки и автоматизированного контроля. Аналогичные меры реализуются в Китае, где используется цифровой онлайн-мониторинг качества сточных вод с обязательной публичной отчетностью. Эти элементы могут быть применены и в Узбекистане, где отсутствует централизованная система учёта загрязнителей и мониторинга в режиме реального времени.

Несмотря на присоединение Узбекистана к Хельсинкской конвенции ООН о трансграничных водотоках (1992 г.), эффективное исполнение её положений требует гармонизации внутреннего законодательства с международными стандартами. Например, в немецкой модели реализуется комплексный подход: от жёстких нормативов до экономических стимулов, включая налоговые льготы за внедрение экологических технологий. В Узбекистане такие механизмы отсутствуют либо реализуются выборочно.

Для снижения уровня промышленного загрязнения вод в Узбекистане необходимы комплексные реформы. В первую очередь следует разработать экологический кодекс с разделами, посвящёнными промышленному водопользованию, установить цифровую систему мониторинга сбросов, расширить участие гражданского общества в контроле за экологической обстановкой. Также необходимо повысить санкции за сброс неочищенных сточных вод, включая уголовную ответственность за повторные нарушения. Поддержка экологических инноваций через государственные субсидии и налоговые стимулы будет способствовать модернизации промышленных мощностей и снижению экологической нагрузки.

Таким образом, правовые вопросы промышленного загрязнения вод в Республике Узбекистан остаются не только актуальными, но и системно нерешёнными. Устранение существующих пробелов в законодательстве, усиление контроля и интеграция международных стандартов – ключевые шаги на пути к экологически устойчивому индустриальному развитию страны.

Список литературы:

1. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 01.04.1995;
2. Закон Республики Узбекистан «О воде и водопользовании», от 06.05.1993 г. № 837-XII;
3. Закон Республики Узбекистан «Об охране природы», от 09.12.1992 г. № 754-XII;
4. Council Directive 91/271/EEC of 21 May 1991 concerning urban waste-water treatment;
5. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. Принята 17 марта 1992 года;
6. Электронный ресурс <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

СЕМЕЙНЫЕ ЛЬГОТЫ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Погребняк Екатерина Александровна

студент,

Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
РФ, г. Владивосток

Васильева Анастасия Валерьевна

научный руководитель,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
РФ, г. Владивосток

FAMILY BENEFITS FOR PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION AND THEIR FAMILY MEMBERS: LEGAL FRAMEWORK, PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND PROSPECTS OF REFORM

Ekaterina Pogrebnyak

Student,

Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Russia, Vladivostok

Anastasia Vasilieva

Scientific supervisor,
Senior lecturer of the Department
of Civil Law Disciplines,
Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Russia, Vladivostok

Аннотация. Настоящая статья представляет собой научный анализ системы государственных социальных льгот, предоставляемых военнослужащим, участвующим в Специальной военной операции (СВО), и членам их семей в Российской Федерации. В работе рассмотрены правовые основы, виды социальных гарантий, а также актуальные проблемы их реализации, включая правовую защиту членов «фактических» семей.

Abstract. This article is a scientific analysis of the system of state social benefits provided to military personnel participating in a Special Military Operation (SVO) and their family members in the Russian Federation. The paper examines the legal framework, types of social guarantees, as well as current problems of their implementation, including the legal protection of members of "de facto" families.

Ключевые слова: специальная военная операция, семейные льготы, социальные гарантии, ресоциализация, «фактический» брак, жилищные льготы, налоговые льготы.

Keywords: special military operation, family benefits, social guarantees, re-socialization, "de facto" marriage, housing benefits, tax benefits.

Социальная защита участников специальной военной операции (СВО) и их семей является ключевым элементом системы государственных гарантий, предусмотренных статьей 7 Конституции Российской Федерации, которая обязывает государство оказывать поддержку гражданам, находящимся в трудных жизненных обстоятельствах.

В условиях проведения специальной военной операции законодательство активизирует меры по совершенствованию системы социальной поддержки, направленные не только на компенсацию рисков, связанных с выполнением воинского долга, но и на обеспечение стабильности семейных отношений.

Несмотря на внедрение прогрессивных изменений в действующее правовое регулирование, сохраняются определенные пробелы, требующие устранения, особенно в аспекте защиты интересов членов «фактических» семей военнослужащих.

Правовой основой для предоставления социальных гарантий семьям военнослужащих является комплекс нормативных правовых актов, включающий Федеральный закон от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», Семейный кодекс Российской Федерации, а также ведомственные нормативные акты.

Согласно современной доктрине, ключевые социальные гарантии охватывают следующие сферы:

Жилищная сфера: предоставление субсидий, возможность участия в программах льготного ипотечного кредитования, а также внеочередное предоставление жилых помещений. Образование: обеспечение бесплатного обучения детей в образовательных учреждениях высшего образования, а также компенсации за оплату дошкольных образовательных услуг.

Медицинская сфера: предоставление услуг бесплатной медицинской реабилитации, а также психологическая поддержка.

Налоговые льготы: освобождение от налога на доходы физических лиц (НДФЛ) по отдельным видам выплат, а также снижение ставок по имущественным налогам и др.

Пенсионное обеспечение: возможность досрочного назначения пенсий, а также установление повышенных коэффициентов к пенсиям и др.

Процесс ресоциализации военнослужащих, то есть их интеграции в гражданскую жизнь, невозможно представить без активного участия их семей. Это подчеркивает важность взаимосвязи социальных гарантий и программ восстановительной поддержки для военнослужащих и членов их семей [1].

Одной из наиболее дискуссионных проблем остается защита прав членов «фактических» семей военнослужащих, погибших или пропавших без вести. Действующее законодательство, исходя из принципа обязательной регистрации брака в органах ЗАГС (ч. 1 ст. 10 СК РФ), что исключает правовое признание незарегистрированных отношений.

Исторически данный подход восходит к Указу Президиума ВС СССР от 08.07.1944, который отменил правовые последствия «фактических» браков, за исключением случаев, возникших до его издания [2].

Однако в 2024 г. в Госдуму внесен законопроект № 539969-8, предлагающий частичную легализацию таких отношений при соблюдении ряда условий: совместное проживание не менее трех лет (или одного года при наличии общего ребенка), гибель военнослужащего в ходе СВО и отсутствие официальной регистрации брака [3]. Принятие данного законопроекта позволило бы членам «фактических» семей претендовать на наследственные права, социальные выплаты (включая пенсии по потере кормильца) и льготы в жилищной и образовательной сферах, что частично устранил правовой вакуум, сохраняющийся с середины XX века.

Практическая реализация льгот сталкивается с системными сложностями, которые требуют детального анализа. Во-первых, неопределенность круга лиц, относящихся к «членам семьи», создает почву для правовых коллизий. Например, в судебной практике встречаются споры о включении в эту категорию опекунов, сожителей или дальних родственников,

что противоречит позиции Верховного Суда РФ, выраженной в обзоре судебной практики по делам о признании брака недействительным [4].

Согласно названному документу, ключевыми критериями признания «фактических» отношений являются совместное ведение хозяйства, взаимная забота и решение семейных вопросов, однако доказывание этих обстоятельств осложняется отсутствием прямых доказательств (например, совместных финансовых обязательств).

Во-вторых, бюрократические барьеры, такие как многоэтапность процедур оформления льгот и необходимость сбора многочисленных справок, снижают доступность мер поддержки.

По нашему мнению, данный вопрос будет урегулирован посредством внесенного в Государственную Думу законопроекта. В нем предусматривается процедура особого производства, в рамках которой предлагается рассматривать дела об установлении факта брачных отношений. Это изменение правового регулирования может улучшить правовое положение лиц, не состоявших в официальном браке с военнослужащими.

По данным исследования Российского государственного социального университета (2024), 43 % семей военнослужащих сталкиваются с задержками в получении жилищных субсидий из-за ошибок в документах.

В-третьих, региональная дифференциация социальных гарантий приводит к неравенству: если в Москве и Санкт-Петербурге действуют дополнительные льготы по оплате ЖКУ и транспортных услуг, то в ряде субъектов РФ такие меры отсутствуют, что противоречит принципу единства правового пространства [1].

Перспективы развития законодательства связаны с необходимостью системного реформирования. Во-первых, требуется унификация понятия «член семьи» на федеральном уровне, что позволит исключить разночтения в региональных нормативных актах. Во-вторых, цифровизация процедур оформления льгот, включая создание единого электронного реестра получателей и автоматизацию межведомственного взаимодействия, сократит административную нагрузку на заявителей.

Опыт Минобороны РФ по внедрению портала «Госуслуги» для подачи заявлений на жилищные сертификаты демонстрирует эффективность подобных решений: срок рассмотрения документов сократился с 6 до 2 месяцев. В-третьих, расширение перечня гарантий для «фактических» супругов, в том числе их включение в программы медико-психологической реабилитации, усилит социальную защиту.

В рамках реализации государственной политики поддержки субъектов и муниципальных образований, направленных на обеспечение социальной защиты граждан, органы прокуратуры играют важную роль в координации деятельности различных государственных и муниципальных структур.

Так, Бикинская городская прокуратура совместно с представителями территориального подразделения Фонда провела личный прием членов семей погибших участников специальной военной операции (СВО) с целью оказания содействия в вопросах получения региональных мер социальной поддержки и иных видов помощи.

В ходе приема было установлено, что администрация Бикинского муниципального района не приняла нормативный правовой акт, регламентирующий порядок предоставления мер социальной поддержки членам семей погибших участников СВО. Данное обстоятельство было выявлено в результате прокурорской проверки. По результатам проведенной работы, при непосредственном вмешательстве прокуратуры, был разработан и принят соответствующий нормативный правовой акт, направленный на устранение выявленных нарушений и обеспечение прав членов семей погибших участников СВО на получение социальной поддержки в установленном порядке.

Считаем необходимым совершенствование системы судебной защиты прав военнослужащих и членов их семей. В частности, целесообразно рассмотреть возможность формирования специализированных судебных коллегий в арбитражных судах. Данная инициатива была предложена Ассоциацией юристов России.

В заключении необходимо подчеркнуть, что социальные гарантии для участников специальной военной операции (СВО) и их близких являются не только значимым инструментом социальной политики, но и стратегически важным элементом обеспечения национальной безопасности, способствующим поддержанию общественного доверия к государству.

В рамках последующих действий целесообразно предусмотреть систематический мониторинг процесса реализации внедряемых законодательных изменений, организацию специализированного профессионального обучения для сотрудников социальных служб, а также проведение активного диалога с общественностью в контексте обсуждения законодательных инициатив. Это позволит обеспечить сбалансированный подход к удовлетворению государственных интересов и потребностей граждан.

Список литературы:

1. Кириченко Н.С. Правовая поддержка участников специальной военной операции и членов их семей // Военное право. 2025. № 1. С. 167–170.
2. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 (ред. от 07.05.1986) «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Свод законов СССР. Т. 3. 1990. С. 138
3. Проект Федерального закона № 539969–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»
4. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного суда РФ 14.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

ПОНЯТИЕ И КОНЦЕПЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Сулейманов Магомед-Салах Абу-Супьянович

магистрант,

Филиал Российского экономического университета

им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске Ставропольского края,

РФ, г. Пятигорск

Колесникова Ольга Юрьевна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры правовых дисциплин

Филиала Российского экономического университета

им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске

Ставропольского края,

РФ, г. Пятигорск

Понятие «искусственный интеллект» представляет собой научную категорию, которая одновременно носит изученный и дискуссионный характер, определяется по-разному учеными различных специальностей. Возникнув еще в 1956 г., концепция искусственного интеллекта в связи с неуклонным расширением сферы использования таких технологий, все больше привлекает к себе внимание юристов.

А. Барр и Э. Файгенбаум в начале 1980-х гг. предложили рассматривать искусственный интеллект как область информатики, в рамках которой осуществляется разработка интеллектуальных компьютерных систем, обладающих способностями понимать язык, обучаться, решать проблемы и т.д. [2].

Позже под искусственным интеллектом стали понимать также отдельные алгоритмы и программные системы, способные решать задачи так, как это делал бы человек, который размышляет над их решением.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [1] под искусственным интеллектом предлагается понимать комплекс технологических решений, способный имитировать мыслительные (когнитивные) функции мозга человека (включая самообучение и самостоятельный поиск решений) и получать определенные результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.

В резолюции Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» [10] закреплено, что искусственный интеллект это небиологическая автономная киберфизическая система, которая способна к взаимодействию с другими аналогичными системами, к самообучению, к адаптации своих решений, действий и поведения в соответствии условиями среды.

Всемирная комиссия ЮНЕСКО по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ) в Докладе «Об этике робототехники» 2017 года выделяет четыре основные характеристики современного робота: мобильность; интерактивность; коммуникативность; автономность.

Можно выделить множество иных подходов к определению понятия технологий искусственного интеллекта.

Г.С. Осипов отмечает, что искусственный интеллект входит в предмет изучения компьютерных наук, а технологии, создаваемые на его основе, являются информационными, позволяют разумно рассуждать и совершать действия с помощью вычислительных систем и иных искусственных устройств [16, с. 3-13].

П.М. Морхат предлагает рассматривать искусственный интеллект как полностью или частично автономную самоорганизующую (самоорганизующуюся) компьютерно-аппаратно-программную виртуальную или киберфизическую систему, которая способна и может мыслить, самоорганизовываться, обучаться, самостоятельно принимать решения и т.д. [14, с. 69].

Выделяется две формы существования искусственного интеллекта: телесная (материальная) и бестелесная (проявляется в услуге, использующей искусственный интеллект).

Искусственный интеллект также можно классифицировать на: символический (включает в себя алгоритмы с заранее определёнными логическими инструкциями, позволяющие делать умозаключения на основе известных фактов и правил) и машинное обучение (имитирует механизм обучения человеческого мозга). Последний в ходе обучения и принятия решений быстро становится самостоятельным, в связи с чем особую актуальность приобретает проблема осуществления контроля за его развитием и определения его ответственности.

На доктринальном уровне выделяется два принципиально разных подхода к пониманию сущности искусственного интеллекта. Представители первого подхода настаивают на том, что искусственный интеллект может быть признан носителем правосубъектности, которая, однако, носит непостоянный характер и зависит от ряда факторов [15, с. 31]. Они предлагают конструкцию электронного лица, которое рассматривается как формализованный технико-юридический образ, характеризующийся наличием у него ряда признаков, присущих юридической фикции (как и у юридического лица).

Впервые предложение о том, что умные компьютеры могут рассматриваться, как и человек, субъектами права было озвучено еще в 1983 г. американским юристом Маршаллом С. Уилликом [9, с. 5]. По его мнению, искусственный интеллект, как и юридическое лицо, можно признать юридической фикцией, обладающей правосубъектностью.

В соответствии с подходом, которого придерживается французский адвокат Alain Bensoussan, искусственный интеллект может быть признан специальным субъектом, наделенным особым статусом. Указанный автор полагает, что робот может быть наделен юридическим статусом и признан уникальным субъектом, который возник в результате взаимодействия с человеком. По аналогии с признанием юридического лица субъектом права, субъект-робот может быть наделен правами и обязанностями, приравнен к физическому лицу [4].

По мнению, которого придерживается Murielle Cahen, проблема автономии роботов, приобретающих все большую свободу и самостоятельность, может быть решена принятием адаптированного правового статуса, который сопоставим со статусом юридического лица [6]. Вмешательство человека не влияет на действия сильного искусственного интеллекта и в случае нарушения прав вопрос ответственности приобретает особую остроту.

Г.П. Бутюгов и В.В. Зайцев признают наиболее удобным наделение искусственного интеллекта правовым статусом юридического лица в связи с применением к нему аналогичных подходов [12].

Jean-René Binet отмечает, что юридическим лицом может быть признан не любой искусственный интеллект, а лишь те, которые являются самыми совершенными автономными роботами, способны для самообучения и принятия самостоятельных решений [5, с. 6].

Alexandra Bensamoun и Grégoire Loiseau отмечают безосновательность и преждевременность наделения искусственного интеллекта самостоятельным юридическим статусом [3, с. 581]. Mathieu Bourgeois обращает внимание на то, что наделение правосубъектностью объекта, наделенного запрограммированным искусственным интеллектом, сопряжено с неоправданным риском [8].

В упомянутой ранее Резолюции Европейского парламента 2017 г. по вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта было указано о необходимости установления специальной правосубъектности для роботов в целях признания самых сложных автономных систем ответственными электронными субъектами, обязанными возместить любой ущерб, причиненный третьим лицам. Для наделения искусственного интеллекта правосубъектностью необходимо выявить ряд отличающих его признаков, наличие которых позволит отграничить искусственный интеллект, признаваемый субъектом права, от не признаваемого таковым.

Представители второго подхода рассматривают искусственный интеллект как объект права, как средство осуществления деятельности традиционных субъектов права, т.к. даже «возможность сильных самообучающихся роботов превосходить людей в скорости, точности и объеме вычислительных операций... далеко не равнозначно человеческому сознанию, самосознанию и интеллекту» [11, с. 112-119].

Среди сторонников данного подхода встречаются и зарубежные авторы [7].

В.А. Лаптев предлагает компромиссный подход. Указанный автор признает, что на современном этапе робот с искусственным интеллектом является объектом права, но при этом допускает возможность наделения робота (автоматического устройства) через несколько десятков лет отдельными элементами правосубъектности [13, с. 32-35]. Некоторые представители отечественной юридической науки допускают возможность реализации предложенного В.А. Лаптевым подхода уже сегодня [17].

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Официальный интернет портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 31.05.2025 г.).
2. Barr A. Handbook of Artificial Intelligence / E. Feigenbaum – Los Altos, CA: William Kaufman, 1989.
3. Bensamoun Alexandra, Loiseau Grégoire. L'intelligence artificielle : faut-il légiférer? // RD - Recueil Dalloz, 2017. No. 11. P. 581.
4. Bensoussan, Alain. Point de vue : Plaidoyer pour un droit des robots : de la "personne morale" à la "personne robot" // La Lettre des Juristes d'affaires, 2013. No.1134.
5. Binet, Jean-René. Personnalité juridique des robots : une voie à ne pas suivre. // Droit de la famille, 2017. No. 6. P. 6.
6. Cahen, Murielle. Le droit des robots. [Электронный ресурс] URL: <https://www.murielle-cahen.com/publications/robot.asp> (дата обращения: 31.05.2025).
7. Cerka P., Grigiene J. & Sirbikyte G. 2015, 'Liability for damages caused by artificial intelligence', Computer law & security review, iss. 31, pp. 376-389.
8. Loiseau Grégoire, Bourgeois Mathieu. Du robot en droit à un droit des robots. // La Semaine Juridique, 2014. No. 48. P. 2162-2167.
9. Marshall, Willick S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine, 1983. Vol. 4, No.2. P. 5.
10. Résolution du Parlement européen du 16 févr. 2017 contenant des recommandations à la Commission concernant des règles de droit civil sur la robotique, 2015/2013 (INL) [Электронный ресурс] URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_FR.html (дата обращения: 31.05.2025).
11. Апостолова, Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом / Н.Н. Апостолова // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112-119.
12. Бутюгов Г.П., Зайцев В.В. Искусственный интеллект как юридическое лицо // Материалы межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право». Российский университет дружбы народов, 8 декабря 2017.
13. Лаптев В.А. Ответственность «будущего»: правовое существо и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. 2017. № 3. С. 32-35.
14. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. С. 69.
15. Морхат, П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс. на соиск. ... д.ю.н. / П.М. Морхат. М., 2018. С. 31.
16. Осипов, Г.С. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее / Г.С. Осипов // Новости искусственного интеллекта. 2001. № 1. С. 3–13.
17. Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 4А.С. 42-48.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗЫСКАНИЯ И УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ

Толкунова Анна Александровна

магистрант
юридического института,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
РФ, г. Белгород

Цуканов Олег Владимирович

научный руководитель,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического института,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
РФ, г. Белгород

Аннотация. В статье анализируются сложности реализации судебных актов, касающихся алиментных обязательств. Акцент сделан на недостаточной действенности действующих процедур взыскания, в том числе проблемах, возникающих при участии органов исполнительной власти, международном взаимодействии и применении ограничительных мер. Отмечается неоднородность правоприменительной практики, связанная с отсутствием единых критериев расчёта и способов выплаты. Аргументируется необходимость пересмотра нормативных положений с учётом современных технологий сбора информации о доходах, развития внесудебных форм урегулирования и включения социальных инструментов поддержки. В результате автор обосновывает целесообразность отказа от карательного подхода в пользу модели, направленной на восстановление нарушенных прав и достижение устойчивого исполнения обязательств.

Abstract. The article explores the challenges in enforcing court decisions related to alimony obligations. Particular attention is paid to the limited effectiveness of existing enforcement mechanisms, including issues arising from the involvement of executive authorities, cross-border cooperation, and the application of restrictive measures. The study highlights the inconsistency in judicial practice due to the lack of uniform criteria for calculating and disbursing payments. The need for legislative revision is substantiated, taking into account modern technologies for tracking income, the development of out-of-court settlement procedures, and the integration of social support instruments. The author argues for a shift away from a punitive approach toward a restorative model focused on the protection of rights and ensuring stable fulfillment of obligations.

Ключевые слова: алименты, исполнительное производство, судебные приставы, трансграничное взыскание, правовая практика, досудебное соглашение, цифровизация, социальная поддержка, правовая модернизация, семейное право.

Keywords: alimony, enforcement proceedings, bailiffs, cross-border recovery, legal practice, pretrial agreement, digitalization, social support, legal reform, family law.

Трансформация семейных форматов и сокращение числа зарегистрированных союзов сопровождаются увеличением доли одиночных домохозяйств и появлением детей вне официальных отношений, что создаёт дополнительное давление на механизмы финансовой поддержки и требует адаптации правового регулирования к новым социальным условиям. Прежняя схема взаимодействия между сторонами, где одна обязана выплачивать средства, а другая – получать их, уже не охватывает всех возможных ситуаций, особенно при наличии потомков от нескольких партнёров, нестабильной занятости или территориальной подвижности участников спора.

Действующие нормы не всегда отражают текущую реальность и зачастую применяются с опозданием, уже после развития конфликта. Хотя законодательство предусматривает обязанность

обеспечения нуждающихся, отсутствуют действенные механизмы, позволяющие учитывать разнообразие индивидуальных обстоятельств. Установленные правила, заложенные в Семейном кодексе, не всегда соответствуют практическим условиям, что приводит к неоднозначным толкованиям со стороны судебных органов и снижает доверие к принимаемым решениям.

Определение фактического уровня благосостояния лица, обязанного к выплатам, остаётся сложной задачей. При наличии неофициального источника средств или работы без оформления, суды вынуждены опираться на формальные данные, такие как справки или банковские выписки, которые не отражают полной картины [2]. В результате размер выплат определяется неточно, а назначенная поддержка не покрывает потребности получателя. Ограничительные меры – временный запрет на выезд, лишение права управления транспортом – оказываются малоэффективными, не способствуя реальному исполнению решений и зачастую сводясь к формальному давлению без долгосрочного результата.

Механизмы взаимодействия с другими юрисдикциями, вступающие в силу при транснациональном характере спора, остаются слабо интегрированными в российскую правовую систему. Даже при наличии международных соглашений, признание и приведение в исполнение решений затруднено из-за бюрократических процедур и различий в национальных правовых порядках. Все это препятствует эффективной защите прав нуждающихся, особенно если ответчик проживает за рубежом или перемещается между странами, избегая ответственности.

Анализ данных исполнительных служб показывает стабильную тенденцию увеличения количества производств, связанных с алиментами, при сохраняющемся низком уровне фактического исполнения. Проблема усугубляется в условиях экономического неравенства: размеры выплат, рассчитанные по долевному принципу, зачастую не покрывают реальных трат на обеспечение жизнедеятельности ребёнка. Попытки перейти на фиксированную форму выплат часто блокируются самими обязанными лицами, ссылающимися на нестабильность занятости и отсутствие прогнозируемых доходов [5].

В ответ на текущие вызовы можно рассматривать вариант гибкой формулы расчёта алиментных обязательств с опорой на среднюю годовую прибыль, инфляционные показатели и региональные стандарты стоимости жизни. Также необходимо развивать внесудебные формы урегулирования – например, внедрение специализированных медиативных структур при органах местного самоуправления, которые могли бы сопровождать заключение соглашений о материальной поддержке и контролировать их выполнение.

Положительный опыт зарубежных систем доказывает, что устойчивое функционирование института алиментов возможно при наличии прозрачных механизмов учёта доходов, активной роли государственных структур в обеспечении контроля и развитой инфраструктуре социального сопровождения семейных конфликтов. В российской практике такие элементы присутствуют фрагментарно и требуют комплексной нормативной и организационной доработки [3]. Особенно актуален вопрос о предоставлении судебным исполнителям полномочий по доступу к информации о финансовом состоянии граждан, включая сведения из цифровых платформ и налоговых баз.

Анализ проблем, связанных с обеспечением алиментных обязательств, указывает на необходимость междисциплинарного подхода, выходящего за рамки сугубо юридического рассмотрения. Функционирование этой правовой конструкции должно оцениваться с точки зрения её способности обеспечивать социальную устойчивость, поддерживать справедливость и отражать ценностные ориентиры, связанные с защитой детства, старости и семейных связей в их изменяющемся виде.

Реализация судебных актов, связанных с обеспечением материального содержания, остаётся одним из наиболее нестабильных элементов в системе правовой защиты семейных интересов. Формально предусмотренные процедуры и регламенты, направленные на принудительное взыскание, зачастую не обеспечивают достижение поставленной цели. Вмешательство уполномоченных органов нередко оказывается неэффективным, особенно при наличии умышленных действий, направленных на уклонение. Столкновение с отсутствием доступа к источникам информации

о неформальных доходах, цифровых активах и имуществе, не отражённом в официальных регистрах, ограничивает возможности оперативного реагирования со стороны исполнителей.

Применяемая модель принудительного воздействия ориентируется на стандартные показатели – сведения о заработке, банковских счетах, зарегистрированном имуществе. Однако в условиях цифровой и неформальной экономики значительная часть финансовых ресурсов остаётся вне зоны правового контроля [1]. Стороны, не желающие выполнять возложенные обязательства, активно используют юридические лазейки – оформляют имущество на других лиц, совершают мнимые сделки, меняют место жительства, в том числе выезжая за пределы страны. Каждое такое действие требует отдельного доказательства, что затягивает весь процесс и снижает шансы на оперативное восстановление нарушенного права.

Особенно сложно добиться исполнения, когда лицо, обязанное предоставлять средства, перемещается за границу. Несмотря на существование двусторонних и многосторонних соглашений, процедура признания и приведения в исполнение иностранного судебного акта требует длительной бюрократической процедуры. Перевод, апостиль, анализ соответствия процессуальным стандартам другой юрисдикции, различия в толковании норм семейного и исполнительного права – всё это порождает препятствия, с которыми получатель выплаты не всегда в состоянии справиться самостоятельно.

Санкции, используемые для воздействия на недобросовестных плательщиков, не всегда оказываются действенными. Ограничение на выезд или лишение возможности управлять автомобилем в ряде случаев не приводит к улучшению ситуации. Напротив, подобные меры могут подорвать экономическую самостоятельность самого должника, что снижает вероятность последующих выплат. В результате возникают замкнутые ситуации, в которых правовые меры теряют превентивную силу и не восстанавливают справедливость.

Правоприменительная практика демонстрирует отсутствие согласованности в подходах. Одни суды допускают исчисление алиментов в твёрдой сумме при нестабильных доходах, другие придерживаются противоположного мнения, исходя из необходимости долевого расчёта. Недостаток единых методических рекомендаций приводит к фрагментарности решений и усложняет прогнозирование результатов даже при схожих обстоятельствах. Все это снижает уровень доверия к судебной системе и порождает ощущение правовой нестабильности [4].

Для повышения результативности необходимо перейти от устаревших инструментов принуждения к современным цифровым системам мониторинга. Интеграция баз данных налоговых органов, пенсионных фондов, финансовых учреждений и работодателей в единую платформу позволит получить объективную картину финансового положения плательщика. Внедрение автоматического удержания средств без дополнительного обращения в суд позволит исключить волокиту и повысить вероятность своевременного поступления выплат.

Одновременно важно расширить возможности досудебного урегулирования. Заключение алиментных соглашений при посредничестве нотариусов или медиаторов может существенно сократить число затяжных споров. Придание таким документам исполнительной силы повысит их практическую значимость и снизит нагрузку на органы правосудия. При этом допустимо внедрение государственной системы временного финансирования получателей с последующим возмещением за счёт виновной стороны.

В зарубежной практике заметно преобладание моделей, сочетающих правовое воздействие с социальным сопровождением. Консультации, обучение финансовому планированию, участие специалистов по семейному праву на ранней стадии конфликта значительно повышают мотивацию сторон к урегулированию. Такая система минимизирует случаи сокрытия доходов и формирует устойчивую модель поведения, основанную на ответственности и осознании последствий неисполнения обязательств.

Комплексный подход к проблеме исполнения алиментных обязательств требует отказа от сугубо репрессивной логики. Приоритет должен быть отдан не только защите интересов получателя, но и созданию условий для реального исполнения решений. Баланс между принуждением и восстановлением нарушенного равновесия в семейных отношениях способен обеспечить долгосрочный положительный эффект и укрепить доверие к правовой системе.

Список литературы:

1. Куемжиева, Е.Г. Проблемные вопросы алиментного законодательства в России / Е.Г. Куемжиева, Ю.А. Червоная // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 3. – С. 95–99.
2. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 01.03.2024 г.) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 27.05.2025).
3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 01.01.2024 г.) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 27.05.2025).
4. Шепеленко, М.Ю. Проблемы взыскания алиментов Федеральной службой судебных приставов в Российской Федерации. Пути их решения / М.Ю. Шепеленко, Е.С. Стрибко // Век качества. – 2022. – № 1. – С. 78–83.
5. Ягодин Р.С. Проблемные аспекты принудительного взыскания алиментов и применения мер уголовно-правового воздействия на должников, уклоняющихся от содержания своих несовершеннолетних детей / Р.С. Ягодин, Е.С. Елисеева // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 66–71.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ РЕБЕНКА ОТ ДЕСТРУКТИВНОГО ВЛИЯНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Усова Галина Александровна

студент,

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)*

РФ, г. Москва

Ким Елена Витальевна

научный руководитель,

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)*

РФ, г. Москва

Актуальность данной темы весьма значима, так как сегодня информационные технологии находятся на лидирующем месте в жизнедеятельности людей, в т. ч. детей, подменяя как личное общение, так и вынося все интересы человека в социальное пространство.

«Информационная среда влияет на воспитание детей, поскольку они проводят достаточно много времени в глобальных сетях» [5, с. 72]. Принимая во внимание международные позиции и национальные законы, защита ребенка от деструктивных данных должна базироваться, в том числе на местном уровне. Специфика российских регионов может быть основанием для специального исследования их практики ведения защиты детей от разрушительной информационной сферы. Данная статья использует такие методы как сравнительно-правовой, социологический, способ обобщения. В заключительных выводах представлены способы правовой защиты детей от разрушительной информации в социальных сетях.

«Современную жизнь невозможно представить без информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [Хромова, с. 21]. Этот факт оправдан, так как нынешние средства Интернет дают возможность дистанционно получать знания, работать, коммуницировать, устанавливать связи с людьми в разных странах. Это получило большое распространение в период эпидемии КОВИД-19, что дало возможность контактировать с родственниками и друзьями на дистанции.

«Состояние информационной среды, в которой воспитывается подрастающее поколение россиян, справедливо оценивается экспертами как одна из главных угроз национальной безопасности» [7]. Неспроста данному вопросу посвятил фрагмент своего доклада на Валдайском съезде Президент Российской Федерации В.В. Путин, а согласно его же Указу от 02.07.2021 г. № 400 к общероссийским интересам России относят «сбережение народа России, развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Сегодня население Российской Федерации составляет 146400 тысяч человек. Каждый день 73 процента граждан РФ пользуются средствами пространства Интернет. Дети при этом составляют 25 процентов от общего числа населения Российской Федерации. Именно дети наиболее интенсивно пользуются средствами Интернет. Это можно показать на рисунке 1. Например, 99 процентов детей от 14 до 17 лет каждый день выходят в социальные сети. Согласно данным ИСИ и ЭЗ НИУВШЭ, 95 процентов детей от 12 до 14 лет используют средства Интернет, а удельный вес несовершеннолетних в возрасте 7-11 лет, которые вовлечены в сети Интернет, равен 83,3 процентам. Также отмечают, что за 2014-2024 гг. возросло число несовершеннолетних от 3 до 6 лет, вовлеченных в социальные сети, что составило 68,3 процента.

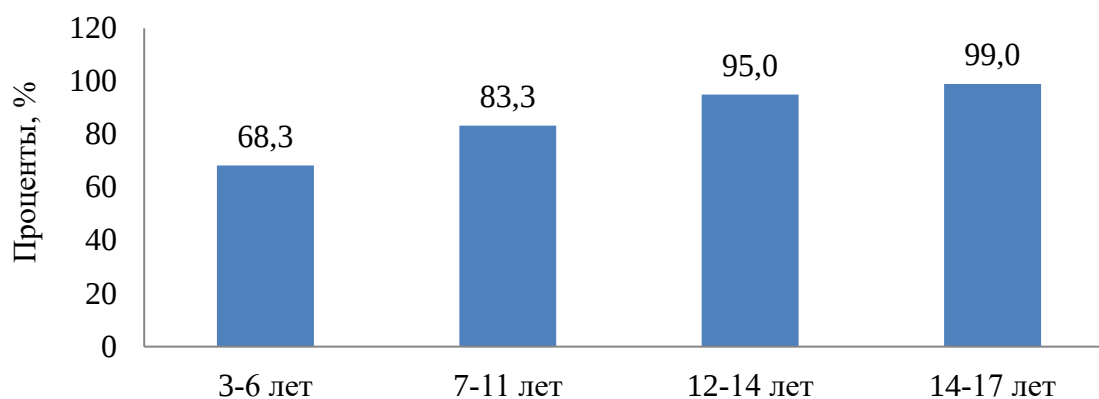

Рисунок 1. Социологическое исследование вовлечения несовершеннолетних в социальные сети

На основе рисунка 1 можно сделать вывод, что сегодня все несовершеннолетние пользуются социальными средствами. Эта вовлеченность детей в средства Интернет вполне объяснима. Так, дети от трех до шести лет, наблюдая за своими родителями или своими старшими братьями и сестрами, копируя их нравы, быстро привыкают к новым средствам. Также родители являются непосредственными источниками Интернет среды для детей, давая им гаджеты, чтобы отвлечь их от неудобных условий. Итогом является тот факт, что несовершеннолетние начинают сами искать контент для ознакомления.

«Российское специальное законодательство, касающееся Интернет, еще проходит свой путь становления» [Дорофеева, с. 19]. Однако необходимо указать, что сегодня еще нет специальной сферы законодательства, регламентирующей отношения в сфере Интернет. Также имеющийся судебный опыт является узким, так как правовая активность государственных институтов в данной области не самая лучшая.

Также следует отметить, что сегодня вопрос об обеспечении защиты детей в социальных сетях регламентировано не полностью. Поэтому, рассмотрев источники правового характера в области обеспечения защиты детей в средствах Интернет, можно определить ряд проблем:

1. Нелегальное распространение непристойных материалов в средствах Интернет приводит к печальным последствиям для психики несовершеннолетних. Реклама подобного рода весьма слабо регламентируется государством, а по статистическим данным многие запросы в средствах Интернет сопряжены именно с данной темой.

2. Отсутствует законодательное регулирование применения смартфонов детьми. Закона, который бы запрещал детям применять телефоны в школах, нет. «Федеральным законодательством установлен запрет на использование средств связи исключительно при проведении итоговой аттестации по образовательным программам основного общего и среднего общего образования» [4, с. 130]. При этом использование телефонов вне школы не регламентировано.

3. Фильтрация, которое является главным инструментом защиты несовершеннолетних от деструктивного содержания в России, не совсем до конца исполняет свои функции. Такие Интернет-поисковики как Гугл и Яндекс не совсем отсекают запрещенную информацию в поисковой строке. Если не исключать нелегальные сайты из поисковой строки, то несовершеннолетние могут смотреть сайты, которые побуждают к насилию, самоубийству, пропаганде ненависти на расовой почве или этнической вражды.

4. Законом не регламентированы вопросы, сопряженные с музыкальным искусством. ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ указывает на запрет распространять данные, побуждающие «детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий», способные «вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие

вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством», «оправдывающей противоправное поведение» [2]. Тем не менее музыкальные произведения, а также видеоклипы не соответствуют законодательным нормам в данной области.

В связи с этим применение методов защиты несовершеннолетних от негативной информации, наносящей вред их психике и развитию, нужно проводить на любой стадии распространения данных в социальных сетях. Помимо методов самоуправления, следует принимать в расчет законодательные нормы, например:

1) установить запрет несовершеннолетним в социальных сетях пересылать вредные данные, чтобы не нести ответственность за нарушение такого запрета. Этот способ работает в границах блокирования интернет-сайтов на предмет передачи вредных данных;

2) возложить на поставщиков интернет ресурсов обязанность определять и элиминировать вредные данные, транслируемые через их ресурсы, а также устанавливать штрафы за нарушение такой обязанности. Способ работает только при официальном сообщении о блокировании Интернет-сайта с деструктивной информацией. «Премодерация и поиск вредной информации по ключевым словам в настоящее время еще не реализованы» [Дорофеева, с. 20]. Это сопряжено с большой экстра нагрузкой на поставщиков интернет ресурсов, что может привести к росту тарифов для пользователей услуг;

3) обязать администрацию учебных заведений дополнительно просеивать трафик, чтобы выявлять деструктивную для несовершеннолетних информацию.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Консультант Плюс.
2. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ // Консультант Плюс.
3. Дорофеева Ж.П., Капустина И.Ю. Проблемы правового регулирования защиты детей от негативного влияния сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2017. – № 18-21.
4. Симонова В.А., Лифинцева Е.А. Защита несовершеннолетних от негативной информации в сети Интернет // Научные известия. – 2022. – № 26. – С. 128-131.
5. Титор С.Е. Организация защиты несовершеннолетних от деструктивной информационной среды: опыт российских городов федерального значения // Цифровая социология. – 2023. – № 1. – Т. 6. – С. 72-78.
6. Хромова Н.М. Правовые механизмы защиты прав несовершеннолетних в цифровой среде // Вопросы ювенальной юстиции. – 2024. – № 4. – С. 21-25.
7. Цыганов А.Б. Защита детей от деструктивного контента в свете Стратегии национальной безопасности РФ // https://ouzs.ru/news/zashchita-detey-ot-destruktivnogo-kontenta-v-svete-strategii-natsionalnoy-bezopasnosti-rf/?sphrase_id=87313.

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Усова Галина Александровна

студент,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
РФ, г. Москва

Ким Елена Витальевна

научный руководитель,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
РФ, г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы, с которыми сталкиваются несовершеннолетние пользователи Интернета, включая кибербуллинг, сексуальные домогательства, доступ к неподобающему контенту и потерю конфиденциальности. Подчеркивается важность законодательных мер на международном и национальном уровнях, направленных на защиту прав детей в цифровой среде. Рассматриваются обязанности интернет-компаний по обеспечению безопасности несовершеннолетних, а также необходимость образовательных программ для повышения осведомленности о рисках в сети. Особое внимание уделяется роли родителей и общества в создании безопасной онлайн-среды. Статья подчеркивает, что комплексный подход к защите прав несовершеннолетних, включающий сотрудничество всех заинтересованных сторон, является ключевым фактором для обеспечения безопасности детей в Интернете.

Ключевые слова: Интернет, защита несовершеннолетних, неподобающий контент, законодательные меры, безопасность информации в сети, конфиденциальность, сексуальное домогательство, буллинг, контроль со стороны родителей.

С распространением Интернета и цифровых технологий, вопросы защиты прав несовершеннолетних становятся все более актуальными. Виртуальная среда, предоставляющая множество возможностей для общения, обучения и развлечений, также несет в себе серьезные риски. Дети и подростки могут столкнуться со следующими травмирующими проблемами [1]: .

1. Кибербуллинг:

Кибербуллинг – это форма травли, осуществляемая с помощью цифровых технологий. Он может проявляться в виде оскорбительных сообщений, распространения слухов или угроз. Исследования показывают, что жертвы кибербуллинга часто испытывают серьезные эмоциональные и психологические травмы, что может привести к депрессии и даже суицидальным настроениям.

2. Сексуальные домогательства:

Несовершеннолетние часто становятся жертвами сексуальных домогательств в сети. Злоумышленники могут использовать социальные сети и мессенджеры для манипуляций и привлечения детей в опасные ситуации. Недостаток знаний о безопасности в Интернете делает подростков особенно уязвимыми.

3. Доступ к неподобающему контенту:

В Интернете доступно множество материалов, которые могут быть вредными для несовершеннолетних, включая порнографию, насилие и дезинформацию. Без адекватного контроля и фильтрации, дети могут случайно наткнуться на такой контент, что может негативно повлиять на их развитие и восприятие мира.

4. Потеря конфиденциальности:

Несовершеннолетние часто не осознают рисков, связанных с публикацией личной информации в сети. Это может привести к утечке данных, манипуляциям со стороны злоумышленников

и даже к физическим угрозам. Перечисленные угрозы могут принести не только психологический и психический вред, но и привести к суицидным и террористическим действиям.

Защита детей от всех видов возможных травм сети интернет является первостепенной задачей государства. Сохранение здорового молодого поколения и формирование безопасной цифровой среды требуют комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и активного участия семьи, школы, социальных работников и образовательных программ.

В России существует ряд законов и инициатив, направленных на защиту прав несовершеннолетних в сети Интернет. Законодательство России выстроено на основании статьи 13 и статьи 17 Конвенции ООН о правах ребенка, в которых говорится [2]: Статья 13 Конвенции гарантирует ребенку право на свободу выражения мнений. Это включает в себя право искать, получать и распространять информацию и идеи любых видов, независимо от границ, устно, письменно или в форме искусства. Данная статья подчеркивает, что ребенок имеет право выражать свои мысли и мнения по всем вопросам, которые его касаются, и что его мнение должно учитываться в соответствии с его возрастом и зрелостью. Статья 17 акцентирует внимание на праве ребенка на доступ к информации, особенно той, которая направлена на его социальное, духовное и моральное развитие. Она требует от государств обеспечить, чтобы дети имели доступ к информации, которая является важной для их благополучия, и чтобы эта информация была доступна в безопасной и подходящей форме. Также статья подчеркивает важность защиты детей от информации, которая может быть вредной для их здоровья или развития.

Вместе эти статьи подчеркивают важность свободы выражения мнений и доступа к информации для полноценного развития ребенка и его участия в обществе. Основным законом осуществляющим защиту прав детей в сети интернет является Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию": Этот закон регулирует доступ несовершеннолетних к информации, которая может быть опасной для их психического и физического развития. Закон классифицирует информацию по уровням вреда, который она может причинить детям. В частности, выделяются категории информации, которая может быть запрещена для детей (например, материалы с насилием, порнографией, пропагандой наркотиков и т.д.) [3].

Устанавливаются требования к средствам массовой информации, интернет-ресурсам и другим источникам информации, чтобы ограничить доступ детей к материалам, которые могут быть опасными для их здоровья и развития.

Закон накладывает обязательства на владельцев сайтов и других информационных ресурсов по маркировке контента, который не предназначен для детей, а также по внедрению механизмов родительского контроля.

Подчеркивается важность просвещения детей и родителей о безопасном поведении в сети и о том, как защитить себя от негативной информации.

Устанавливаются механизмы контроля за соблюдением законодательства и ответственность за нарушение норм, касающихся распространения информации, вредной для детей.

Закон направлен на создание безопасной информационной среды для детей и защиту их прав в условиях современного информационного общества.

Следующим важным документом является Концепция информационной безопасности детей, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от

28.04.2023 №1105-р, направлена на создание безопасной информационной среды для несовершеннолетних в условиях растущего влияния информационных технологий. Основные положения концепции включают [4]:

Цели и задачи: Концепция ставит перед собой цель обеспечить защиту детей от негативного воздействия информации, которая может угрожать их здоровью и развитию. Задачи включают формирование безопасного информационного пространства, развитие навыков безопасного поведения в сети, а также создание условий для защиты прав детей в цифровой среде.

Анализ рисков: Документ содержит анализ существующих угроз информационной безопасности детей, таких как доступ к вредоносному контенту, кибербуллинг, мошенничество и другие формы эксплуатации.

Механизмы защиты: Концепция предлагает различные механизмы защиты детей, включая законодательные инициативы, развитие систем фильтрации и контроля контента, а также внедрение технологий родительского контроля.

Образование и просвещение: Одной из ключевых задач является повышение уровня информированности детей и родителей о безопасном использовании интернета, а также развитие критического мышления и навыков анализа информации.

Сотрудничество и партнерство: Концепция подчеркивает важность взаимодействия между государственными органами, образовательными учреждениями, родителями и общественными организациями для создания комплексного подхода к защите детей в информационной среде. **Мониторинг и оценка:** Предусматривается создание систем мониторинга и оценки состояния информационной безопасности детей, а также разработка рекомендаций по улучшению ситуации. Концепция направлена на формирование безопасной и комфортной информационной среды для детей, обеспечивая их защиту от угроз, связанных с использованием информационных технологий. Существенное значение имеет программа «Безопасный интернет». Эта программа направлена на создание безопасной онлайн-среды для детей включающая в себя как технические, так и образовательные меры. Методические материалы по вопросам информационной безопасности и защиты персональных данных в сети «Интернет» для несовершеннолетних разных возрастных категорий, а также родителей (законных представителей) размещены на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [5]. Для защиты детей от опасностей в Интернете необходима активная позиция родителей. Родители должны обучать детей основам безопасного поведения в интернете, объясняя, какие действия могут быть опасными, как распознавать угрозы и как реагировать на них. Важно установить четкие правила использования интернета, включая время, проведенное в сети, разрешенные и запрещенные сайты, а также правила общения в социальных сетях.

Родители могут использовать программное обеспечение и настройки, позволяющие контролировать доступ детей к контенту, ограничивать время использования устройств и отслеживать активность в интернете.

Родители должны поощрять открытое общение с детьми о том, что они делают в интернете. Это включает обсуждение их интересов, друзей и любых проблем, с которыми они могут столкнуться. Родители должны сами демонстрировать безопасное поведение в интернете, показывая, как правильно использовать технологии и как защищать свою личную информацию. Регулярный мониторинг активности детей в интернете может помочь родителям понять, с чем они сталкиваются, и вовремя реагировать на потенциальные угрозы. Родители должны быть готовы поддержать детей в случае возникновения проблем, таких как кибербуллинг или контакт с незнакомыми людьми. Важно, чтобы дети знали, что могут обратиться за помощью к родителям. Кроме того, родители должны объяснять детям последствия их действий в интернете, включая потенциальные риски, связанные с публикацией личной информации или общением с незнакомцами. Таким образом, активное участие родителей в жизни детей в интернете играет важную роль в формировании безопасной и здоровой цифровой среды, что способствует защите детей от различных угроз и рисков. Большое значение для обеспечения безопасности детей в Интернете – это задача, требующая совместных усилий различных социальных институтов, включая школы и общественность [6].

Как правило, именно в школе делается основное усилие по обучению детей безопасному поведению в Интернете, что помогает детям осознать потенциальные угрозы и научиться защищать себя. Для этого проводится обучение педагогов методам работы с детьми по вопросам безопасности в сети, чтобы они могли эффективно реагировать на возникающие проблемы.

Общественные организации поддерживают и продвигают инициативы, направленные на защиту детей, включая создание безопасных онлайн-платформ.

Таким образом, совместное сотрудничество законодательства, родителей, школы и общественных организаций направленно на образование, поддержку родителей, создание безопасной среды и участие в законодательных инициативах, может значительно повысить уровень защиты детей от онлайн-угроз. Только совместными усилиями можно создать безопасное и поддерживающее пространство для детей в цифровом мире.

Список литературы:

1. Артамонова Е.Г. Методические рекомендации / Авторы-составители: Артамонова Е.Г., Бородина А.С., Мелентьева О.С. – М.: ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2021. – 35 с.
2. Конвенция о правах ребенка" (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959 / (дата обращения 26.12.2024).
3. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 23.11.2024) "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808 / (дата обращения 26.12.2024).
4. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 №1105-р Правительством Российской Федерации утверждена Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации. // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283105 / (дата обращения 26.12.2024).
5. Официальный сайт: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: <https://27.rkn.gov.ru/directions/pd/p26200/> (дата обращения 26.12.2024).
6. Как защитить ребенка от интернет-рисков (Памятка): <https://fcprc.ru/wp-content/uploads/2019/05/5.-Kak-zashhitit-detei-ot-internet-riskov-pamyatka-roditelyam.pdf> (дата обращения 26.12.2024).

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ» В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Черёмхин Владислав Владимирович

магистрант,

Тверской государственный университет,

РФ, г. Тверь

Термин «экстремизм» происходит от слова латинского слова *extremus*, что означает «крайний». Проанализировав статистику правонарушений применительно к преступлениям экстремистской направленности, приведенную МВД России, можно констатировать факт резкого роста данного вида преступлений. Так, число зарегистрированных в 2023 году преступлений экстремистской направленности составило 1340 (-14,4 % к 2022 году; заметим, однако, что в 2022-й характеризовался ростом по этому показателю на 48,2 % по сравнению с 2021-м)[5]. При этом, необходимо учитывать тот факт, что некая часть преступлений по данной категории дел может являться латентной, учитывая её специфику.

В связи с этим, особого внимания заслуживает понятие экстремизма, которое закреплено в действующем законодательстве Российской Федерации. Понятие экстремизма закреплено в статье 1 Федерального закона № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 года (далее – ФЗ № 114) [1]. Исходя из трактовки положений данной статьи, можно сделать вывод, что в настоящее время законодатель, определяет «экстремизм» с помощью так называемого «перечневого» похода, который предполагает перечисление обширного ряда преступлений, которые могут быть отнесены к категории экстремистских. Данный способ определения экстремизма не является верным, поскольку законодателем прямо в тексте нормативно-правового акта смешиваются понятия экстремизма и экстремистской деятельности, что в свою очередь может порождать сложности при квалификации тех или иных правонарушений.

Предполагается что данный факт может выступать инструментом для актуализации необходимости разработки понятия «экстремизм» и его отграничения от «экстремистской деятельности». Стоит отметить, что данная работа будет посвящена исключительно теоретическому исследованию, основанному на анализе имеющейся научной литературы.

В научном сообществе вопрос о трактовке терминологии экстремизма и экстремистской деятельности немало лет является дискуссионным. Анализируя различного рода научные работы, посвященные этому вопросу, стоит сказать, что существует несколько подходов к определению «экстремизма». Так, выделяют:

- перечневый подход (он также может именоваться легальным);
- этимологический подход;
- политологический подход;
- философский подход.

Представляется необходимым кратко рассмотреть особенности каждого из указанных выше подходов.

Так, наиболее явным примером перечневого подхода определения экстремизма как ранее уже было упомянуто в данной работе выступает законодатель, иллюстрируя его в положениях ст. 1 ФЗ № 114. В данном нормативно-правовом акте под экстремизмом понимается перечень обстоятельств, за совершение которых предусмотрена уголовная и административная ответственность. Практически аналогичного мнения придерживается С.Н. Финдский [8, с.10].

Иной точкой зрения на определение экстремизма обладают авторы, которые основывают свою точку зрения прежде всего на историческое происхождение его как явления. Таковой подход именуется этимологическим. Примечательной точкой зрения является мнение В.Ю. Голубовского, который считает, что «...экстремизм представляет собой приверженность

к крайним взглядам и мерам, отрицание существующих общественных норм и правил поведения в государстве со стороны отдельных лиц или объединений (групп)» [3, с. 4-14].

Нередко авторы, изучающие вопрос понятия экстремизма, находят его отражение в политологии. В связи с этим они связывают экстремизм с политической деятельностью. Так, по мнению Аристарховой Т.А., экстремизм как политическое явление характеризуется идеологией, которая отвергает демократические принципы и пропагандирующей исключительность, интолерантность, ксенофобию, ультранационализм, антисемитизм [2, с. 24-29].

Завершающим подходом к пониманию экстремизма является философская концепция его интерпретирования. Наиболее интересным мнением в данном случае представляется работа Ключева А.А., который обращает внимание на двойственность понятия экстремизм. С одной стороны, его можно рассматривать как исключительно негативное явление для общества, но с другой стороны, как неотъемлемый компонент в процессе смены общественных формаций [4].

Таким образом, можно утверждать, что подходов к пониманию экстремизма и экстремистской деятельности достаточно. Каждый из подходов имеет свои достоинства и недостатки. При этом, при определении понятия экстремизм и экстремистская деятельность необходимо учитывать особенности каждого государства такие как политический курс, главенствующая религия, исторические и культурные особенности, правовая система и так далее. Так, например, в одном государстве экстремистами будут признаваться политические силы, выступающие за либеральные ценности, когда в другом государстве с иным политическим курсом, главенствующей идеологией и религиозным направлением будут являться политические движения и объединения, провозглашающие тоталитарный режим.

В этой связи можно отметить мнение Можеговой А.А., которая понимает под экстремизмом «многоаспектное социально-правовое явление, включающее в себя не только определенную антисоциальную деятельность, но и одобряющую такую деятельность идеологию, направленную на создание в обществе обстановки нетерпимости к представителям определенных социальных групп, выделенных на основе установленных законодателем Российской Федерации либо определяемых правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела критериев» [7, с. 33].

Особенностью приведенного автором определения является то, что он верно подмечает многогранность экстремизма как явления в обществе. Однако, данное определение автором привязано конкретно к Российской Федерации, несмотря на то, что экстремизм носит непосредственно международный характер.

Применительно к реалиям Российской Федерации, предполагается, что необходимо отметить мнение по вопросу трактовки термина «экстремизм» Майорова М.М., который определяет его как «явление, составными частями которого являются идеология и деятельность, направленное на возбуждение в обществе ненависти и вражды отдельных социальных и религиозных групп» [6, с. 29]. Иными словами, такая деятельность должна побуждать лицо или группу лиц на совершение преступлений, характеризуемыми экстремистскими, за которые лицо или группа лиц несет административную и уголовную ответственность. Составными частями экстремизма являются: экстремистская деятельность, экстремистская идеология и экстремистские материалы как материальная форма выражения радикальных экстремистских убеждений.

Экстремистская деятельность, является составляющим элементом экстремизма в целом, под которой следует понимать совокупность противоправных деяний экстремистского характера, за которые действующим законодательством устанавливается уголовная и административная ответственность.

Таким образом, экстремистская деятельность это всегда осуществление противоправного деяния, посягающего на общественные отношения, влекущее за собой привлечение к административной или уголовной ответственности, а также назначение наказания. Такие противоправные деяния должны носить экстремистский характер, иметь соответствующую цель и объект посягательства. Общественно опасными проявлениями экстремистской деятельности являются

преступления экстремистской направленности, под которыми следует понимать совокупность уголовно наказуемых деяний, наиболее вредоносных и общественно опасных форм проявления экстремистской деятельности.

Подводя итог сказанному, следует отметить что, законодательство, устанавливающее ответственность за экстремистскую деятельность остро нуждается в построении четкого и систематизированного категорийного аппарата. Первым шагом в данном направлении должно быть внесение изменений в ст.1 ФЗ N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" устанавливающего основные понятия, которые применяются для данного ФЗ и всего антиэкстремистского законодательства, а именно необходимо дать свое уникальное определение каждому из таких понятий как «экстремизм», «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности» которые бы позволяли отразить их существенные признаки и содержание, разграничить их, наконец, выстроить систему, при которой каждое последующее определение являлось составным элементом предыдущего. Данные шаги позволят решить основные пробелы и коллизии, возникающие квалификации экстремистских преступлений.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности 25 июля 2002 года» № 114-ФЗ: принят Государственной Думой 27 июня 2002 года, одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3031.
2. Аристархова Т.А. Соккрытие следов и иные формы противодействия расследованию экстремистских преступлений против прав и законных интересов человека и гражданина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. С. 24-29.
3. Голубовский В.Ю. О совершенствовании деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Защита прав и профилактика правонарушений несовершеннолетних. Материалы международной научно-практической конференции (26-27 августа 2005 г.). М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 4-14.
4. Ключев А.А. Социально-философский анализ определений и типологии явления «Экстремизм» // Общество: философия, история, культура. 2020. №4 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-opredeleniy-i-tipologii-yavleniya-ekstremizm> (дата обращения: 22.05.2025)
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь декабрь 2023 года // МВД России: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/>. (дата обращения: 22.05.2025)
6. Майоров М.М. Преступления экстремисткой направленности: дис. канд. юридических наук: 25.00.15. – НИ ТГУ, Томск, 2017 97 с.
7. Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис.канд. юрид. наук. / А.А. Можегова -Москва, 2015 г. – С. 33.
8. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис.канд. юрид. наук. / С.Н. Фридинский Ростов-на-Дону, 2003 г. С. 10.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Шульгина Александра Ивановна

*студент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
РФ, г. Белгород*

Максименко Александр Владимирович

*научный руководитель,
канд. юрид. наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
РФ, г. Белгород*

В условиях современной глобализации и цифровизации защита интеллектуальной собственности приобретает особую значимость. Права на интеллектуальную собственность играют ключевую роль в обеспечении инновационного развития, стимулировании экономического роста и поддержании конкурентоспособности на международной арене. Однако существующие механизмы очень часто не успевают за стремительными изменениями в технологиях, что создает новые вызовы.

Различные страны мира применяют свои подходы к защите интеллектуальной собственности, что обусловлено историческими, культурными и правовыми традициями. В США, например, действует принцип fair use (добросовестное использование), позволяющий использовать произведения без разрешения правообладателя в определенных случаях, таких как образовательные или исследовательские цели. В то же время в Европейском Союзе применяется более строгая концепция авторских прав, ограничивающая возможности свободного использования произведений. Эти различия в подходах создают сложности для правообладателей, стремящихся защитить свои права в разных юрисдикциях [6, с. 274]. Это разнообразие подчеркивает важность комплексного подхода к защите прав в различных странах.

Различия в правоприменении между странами оказывают значительное влияние на разрешение международных споров, связанных с интеллектуальной собственностью. Так, например, в Индийском законе [1] ссылка о патентах не позволяет патентовать «новые формы известного вещества», если они не демонстрируют значительно улучшенную терапевтическую эффективность. Этот пункт закона был предметом споров, поскольку он затрудняет получение патентов на незначительные модификации существующих лекарств, что, по мнению американских фармацевтических компаний, подрывает инновации. США критикуют Индию за ее политику в отношении интеллектуальной собственности, утверждая, что она не обеспечивает достаточную защиту для американских компаний и подрывает их инвестиции в инновации. Офис Торгового представителя США регулярно включает Индию в свой «Список приоритетных стран» (Priority Watch List) в рамках Специального отчета по Разделу 301, указывая на недостатки в защите интеллектуальной собственности [1, с. 35].

Национальные законодательства в области интеллектуальной собственности сталкиваются с многочисленными препятствиями. Так, например, в Китае за последние пять лет количество дел, связанных с защитой интеллектуальной собственности, увеличилось более чем на 50 % [5, с. 28]. Однако подходы Китая к защите интеллектуальной собственности часто отличаются от подходов западных стран, что создает определенные трудности в международном сотрудничестве.

Национальные особенности в регулировании интеллектуальной собственности оказывают значительное влияние на международное сотрудничество. В 2024 году Всемирная торговая организация рассмотрела 40 споров, связанных с нарушением прав интеллектуальной собственности

[4]. Различия в подходах к защите прав затрудняют создание единой международной базы, что в свою очередь, снижает эффективность совместных усилий по борьбе с нарушениями в данной области. Вместе с тем, улучшенная согласованность и унификация разрозненных норм закона с помощью гармонизации, направляемой «дорожными картами», приведет к значительным успехам в решении проблем в правовой сфере интеллектуальной собственности [2, с.186].

Цифровая эпоха кардинально изменила создание, распространение и потребление интеллектуальной собственности, но вместе с тем усилила проблему пиратства и нелегального использования контента. Легкий доступ к контенту в интернете затрудняет контроль за копированием, что наносит ущерб правообладателям. Существующие законы часто не справляются с этими новыми вызовами, требуя разработки инновационных подходов.

Представляется необходимым традиционные методы правовой защиты интеллектуальной собственности из-за цифровизации. Появление новых технологий, таких как «блокчейн», «искусственный интеллект» показывает, что необходимо развивать международное право в этом направлении. Цифровизация требует пересмотра традиционных подходов к правовой защите интеллектуальной собственности. Европейский Союз в 2018 году принял «Директиву о цифровом едином рынке». Эта директива направлена на регулирование авторских прав в сети Интернет. Это стало важным шагом в адаптации законодательства к цифровой среде. Однако этого недостаточно, поскольку технологический прогресс происходит намного быстрее, чем развивается законодательство [7, с.105].

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) [8], устанавливающее минимальные стандарты охраны интеллектуальной собственности для участников Всемирной торговой организации является примером успешной инициативы. Также

платформа WIPO PROOF, созданная Всемирной организацией интеллектуальной собственности, предоставляет услуги по защите цифровых активов. Эти примеры демонстрируют, что инновационные решения могут эффективно отвечать на вызовы цифровой эпохи. Однако для обеспечения

комплексной защиты необходимо разработать стандарты, регулирующие использование цифровых технологий, включая вопросы авторских прав, патентования и защиты данных.

Эффективная защита интеллектуальной собственности на глобальном уровне невозможна без тесного международного взаимодействия. Увеличение числа международных патентных заявок, о чем свидетельствуют данные ВОИС, подчеркивает необходимость координации усилий между странами. Совместная работа в международных организациях, таких как всемирная организация интеллектуальной собственности, а также двусторонние (меморандумы о взаимопонимании), и многосторонние соглашения (Парижская конвенция, Бернская конвенция) способствуют обмену опытом и передовыми практиками. Это, в свою очередь, ускоряет внедрение инноваций и повышает уровень защиты интеллектуальной собственности.

В рамках исследования были рассмотрены ключевые аспекты защиты интеллектуальной собственности в международном частном праве. Международные договоры играют ключевую, фундаментальную роль в создании правовой базы для охраны интеллектуальной собственности. Однако практика их применения в различных юрисдикциях выявила существенные проблемы, включая различия в правоприменении и недостаточную координацию между государствами.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования международного законодательства в области защиты интеллектуальной собственности.

Важным направлением является гармонизация национальных законодательств с учетом международных стандартов, а также разработка новых норм, учитывающих особенности цифровой эпохи. Усиление международного сотрудничества и координации между странами также представляется ключевым для устранения пробелов в правоприменении.

Список литературы:

1. USTR 2024 Special 301 Report / [Электронный ресурс] // : [сайт]. – URL: [https://ustr.gov/sites/default/files/2024 %20Special%20301 %20Report.pdf](https://ustr.gov/sites/default/files/2024%20Special%20301%20Report.pdf) (дата обращения: 27.05.2025).
2. Антонов, А.А. Новые риски цифровизации: к вопросу о защите интеллектуальной собственности / А.А. Антонов, Е.К. Булыго // Философия мира и созидания [Электронный ресурс] : материалы Международных круглых столов: «Народное единство и историческая память» 17 сентября 2022 года, «Философия мира и созидания» 18 апреля 2023, года «Конвергенция экосистем» 20 апреля 2023 года / сост. А.И. Лойко. – Минск : БНТУ, 2023. – С. 181-187.
3. ВОИС Доклад о положении в области интеллектуальной собственности в мире за 2022 г. Вектор инновационной деятельности. Женева. / ВОИС [Электронный ресурс] // <https://www.wipo.int> : [сайт]. – URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-944-2022-ru-world-intellectual-property-report-2022-the-direction-of-innovation.pdf> (дата обращения: 23.05.2025).
4. ВТО Годовой отчет ВТО за 2024 год / ВТО [Электронный ресурс] // <https://www.wto.org> : [сайт]. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/anrep21_e.htm (дата обращения: 23.05.2025).
5. Ивашкевич, А.С. Интеллектуальная собственность в эпоху цифровой трансформации: современный подход / А.С. Ивашкевич // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 24 мая 2024 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: В.А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. – С. 102-109.
6. Льюис, Джоанна И. (2023). Сотрудничество во имя климата: уроки международного партнерства в секторе чистой энергетики Китая. Кембридж, Массачусетс: The MIT Press. ISBN 978-0-262-54482-5. S2CID 167841443
7. Поляков, Ю.И. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в международном частном праве / Ю.И. Поляков ; научный руководитель В.Д. Бекетова. – Текст : электронный // Личность, общество, государство и право. Проблемы соотношения и взаимодействия : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции / научный редактор Н.М. Добрынин ; Тюменская областная Дума [и др.]. – Тюмень, 2015. – Вып. 11. – С. 273-275.
8. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (Заклучено в г. Марракеше 15.04.1994) // СЗ РФ. – 2012. – № 37

PAPERS IN ENGLISH

RUBRIC

«ECONOMICS»

MERGERS AND ACQUISITIONS: STRATEGIC MOTIVATIONS
AND ECONOMIC IMPACT*Anastasiia Ashaeva**Student,**Russian Presidential Academy of Nation Economy
and Public Administration,
Russia, Moscow*

Abstract. Mergers and acquisitions (M&A) are critical corporate strategies used to enhance market position, achieve synergies, and drive business growth. This paper examines the primary motivations behind M&A transactions, their economic impact, and common challenges. The study relies on verified data from academic journals, financial reports, and industry analyses. Findings indicate that while M&A can lead to increased efficiency and competitive advantage, integration risks and cultural mismatches often hinder success.

Keywords: Mergers; Acquisitions; Corporate Strategy; Synergies; Market Consolidation.

1. Mergers and acquisitions

The Russian mergers and acquisitions market has several distinctive features that set it apart from Western counterparts. According to Rosstat, the total value of M&A deals in Russia reached \$58 billion in 2021, marking a 15 % increase from 2020. Key growth drivers included the oil and gas sector, IT, and financial services (Central Bank of Russia, 2022). The market has shown particular resilience despite international sanctions, with domestic transactions accounting for 68 % of total deal volume in 2022 (ACRA, 2023).

2. Motivations for M&A in Russia**2.1. Economies of Scale and Synergies**

Russian companies frequently utilize M&A to achieve operational efficiency through several mechanisms. First, production synergies allow companies to optimize manufacturing capacities. The merger between Rosneft and Bashneft in 2016 enabled cost reductions of 12 % within two years by consolidating refining assets and streamlining supply chains (Rosneft report, 2018). Second, administrative synergies reduce overhead costs through shared corporate functions. For example, after Rusal's acquisition of Boguchansky Aluminum Plant in 2019, the combined entity saved approximately \$50 million annually through headcount reductions and shared services (Rusal annual report, 2020). Third, financial synergies improve capital allocation and borrowing costs, as demonstrated by Sberbank's ability to secure better loan terms after acquiring DenizBank in 2018 (Central Bank of Russia, 2019).

2.2. Market Expansion

Russian M&A activity often targets market share growth through three primary strategies. Horizontal expansion is exemplified by Magnit's acquisition of Dixy retail chain in 2021, which increased its market share from 7.3 % to 12.1 % in the grocery segment (Nielsen Russia, 2022). Vertical

integration cases include Sberbank's purchase of Yandex.Money in 2022, creating a closed-loop financial ecosystem from payments to banking services (Kommersant, 2022). Geographic diversification is another driver, as shown by Lukoil's acquisition of filling stations in Romania and Bulgaria, expanding its European retail presence by 15 % (Lukoil strategy report, 2021).

2.3. Technological Development

Russian corporations employ M&A to acquire technological capabilities through three main approaches. First, digital transformation initiatives drive deals like Gazprom Neft's purchase of "Tsifra" in 2020, which provided AI solutions for predictive equipment maintenance (Vedomosti, 2021). Second, e-commerce integrations are evident in Ozon's acquisition of SAPATO.ru in 2018, enhancing its fashion retail platform (Ozon investor presentation, 2019). Third, R&D acquisitions occur in sectors like pharmaceuticals, where R-Pharm bought Germany's mAbxience production facility in 2019 to gain biotech capabilities (Pharmvestnik, 2020).

2.4. Regulatory and Political Factors

Specific to the Russian market, M&A activity is often influenced by government policies. The 2018 "Golden Share" law enabled state intervention in strategic industries, leading to deals like Ros-tec's acquisition of United Engine Corporation (Kommersant, 2019). Sanctions-related restructuring has prompted transactions such as EN+ Group's divestment from Rusal in 2018 to comply with US sanctions (Financial Times, 2018). Import substitution programs have accelerated M&A in agriculture, illustrated by Cherkizovo Group's purchase of turkey producer Eurodon in 2021 (Agroinvestor, 2021).

2.5. Financial Engineering

Russian companies also use M&A for balance sheet optimization. Debt restructuring motivated Evraz's acquisition of Rapsadskaya Coal Company in 2011, converting debt into equity (Evraz financial report, 2012). Tax optimization plays a role, as seen in X5 Retail Group's acquisition format changes to benefit from consolidated tax reporting (Deloitte Russia analysis, 2020). Shareholder value creation drives deals like Nor-nickel's buyback program and subsequent acquisitions using repurchased shares (Moscow Exchange data, 2021).

3. Economic Impact of M&A in Russia

3.1. Company Valuation

Magnit's acquisition of the Dixy retail chain in 2021 for 106 billion rubles led to a 23 % increase in the merged company's market capitalization within a year (Moscow Exchange, 2022). However, some deals show valuation challenges, as with Tinkoff Bank's acquisition by VTB, where integration costs reduced expected synergies by 18 % (VTB quarterly report, 2023).

3.2. Employment Effects

Following the merger between Megafon and VimpelCom in 2022, approximately 15 % of staff were laid off, while 2,000 new jobs were created in IT departments (RBC, 2023). The net employment effect in Russian M&A tends to be slightly positive, with a 3-5 % net job creation across studied transactions (Higher School of Economics, 2022).

4. Challenges of Russian M&A

4.1. Cultural Differences

The unsuccessful merger between Uralkali and Silvinit in 2011 highlighted the importance of corporate culture alignment (Expert, 2012). Subsequent research shows that 42 % of failed Russian M&A deals cite cultural integration as a primary cause (KPMG Russia, 2021).

4.2. Regulatory Constraints

The Federal Antimonopoly Service's blockage of Wildberries' attempted acquisition of a competitor in 2023 demonstrated strengthened antitrust oversight (Kommersant, 2023). Recent amendments to competition law have increased scrutiny of deals exceeding 7 billion rubles in value (FAS Russia, 2023).

Conclusion

The Russian M&A market continues to evolve, showcasing both successful integration cases and characteristic challenges. Growth prospects are tied to digitalization and import substitution initiatives, though geopolitical factors create additional complexity. Future research should examine sector-specific performance metrics and long-term value creation patterns in sanctioned industries.

References:

1. Central Bank of Russia (2022). M&A Market Review.
2. Rosneft report (2018). Annual Report.
3. Kommersant (2022). "Sberbank Acquires Yandex.Money".
4. Vedomosti (2021). "Gazprom Neft Buys Tsifra".
5. RBC (2023). "Results of MegaFon-VimpelCom Merger".
6. ACRA (2023). Russian M&A Market Analysis.
7. KPMG Russia (2021). Post-Merger Integration Study.

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕ МАҚАЛАЛАР

БӨЛІМ

«ПЕДАГОГИКА»

АРНАЙЫ БІЛІМ БЕРУ ЖӘНЕ ЦИФРЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР: МҮМКІНДІКТЕР МЕН ҚАУІПТЕР

Барлыбаева Зейнеп Сайлауқызы

студент,

Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті

ҚР, Қарағанды қ.

Ахметжанова Жанар Балтабековна

филология ғылымдарының кандидаты,

қауымдастырылған профессор, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды университеті

ҚР, Қарағанды қ.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ

Барлыбаева Зейнеп

студент,

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова,

Казахстан, г. Караганда

Ахметжанова Жанар

канд. филол. наук,

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова

Казахстан, г. Караганда

SPECIAL EDUCATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES: OPPORTUNITIES AND THREATS

Zeinep Barlybayeva

Student,

Karaganda University named after Academician E.A. Buketov,

Kazakhstan, Karaganda

Zhanar Akhmetzhanova

Candidate of Philological Sciences,

Karaganda University named Academician E.A. Buketov

Kazakhstan, Karaganda

Аңдатпа. Мақалада арнайы білім беру жүйесіне цифрлық технологияларды енгізудің мүмкіндіктері мен қауіптері қарастырылады. Автор ерекше білім алуды қажет ететін балаларға арналған цифрлық ресурстардың тиімділігін, сондай-ақ бұл технологияларды пайдалануда

туындайтын қиындықтарды жан-жақты талдайды. Сонымен қатар, педагогтердің кәсіби даярлығы мен отандық білім беру жүйесіндегі өзгерістерге де көңіл бөлінеді.

Мақаланың мақсаты: Арнайы білім беру саласындағы цифрлық технологиялардың мүмкіндіктері мен қауіптерін талдау, тиімді қолдану жолдарын ұсыну және педагогтерді осы салада кәсіби даярлаудың маңыздылығын көрсету.

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и угрозы внедрения цифровых технологий в систему специального образования. Автор всесторонне анализирует эффективность цифровых ресурсов для детей с ограниченными возможностями, а также трудности, возникающие при использовании этих технологий. Кроме того, уделяется внимание профессиональной подготовке педагогов и изменениям в отечественной системе образования.

Цель статьи: Проанализировать возможности и угрозы цифровых технологий в сфере специального образования, предложить пути их эффективного использования, а также подчеркнуть важность профессиональной подготовки педагогов в этой сфере.

Abstract. The article examines the possibilities and threats of introducing digital technologies into the special education system. The author comprehensively analyzes the effectiveness of digital resources for children with disabilities, as well as the difficulties that arise when using these technologies. In addition, attention is paid to the professional training of teachers and changes in the domestic education system.

Purpose of the article: To analyze the possibilities and threats of digital technologies in the field of special education, to suggest ways of their effective use, and to emphasize the importance of professional training of teachers in this area.

Кілт сөздер: арнайы білім беру, цифрлық технологиялар, инклюзивті оқыту, қашықтан білім беру, сандық ресурстар, педагогтердің цифрлық сауаттылығы, жасанды интеллект, цифрлық теңсіздік

Ключевые слова: специальное образование, цифровые технологии, инклюзивное обучение, дистанционное обучение, цифровые ресурсы, цифровая грамотность педагогов, искусственный интеллект, цифровое неравенство

Keywords: special education, digital technologies, inclusive learning, distance learning, digital resources, digital literacy of teachers, artificial intelligence, digital inequality

Қазіргі таңда білім беру саласында цифрлық технологиялардың қарқынды дамуы жаңа мүмкіндіктермен қатар, белгілі бір қауіптер мен күрделі мәселелерді де қатар алып келуде. Әсіресе, арнайы білім беру жүйесінде бұл өзгерістер ерекше маңызға ие. Мүмкіндігі шектеулі балалардың сапалы білім алуына жағдай жасау, оларды қоғамдық өмірге бейімдеу және әлеуметтендіру – заман талабы. Осы тұрғыдан алғанда, заманауи цифрлық ресурстар мен технологиялар маңызды құралға айналып отыр.

Арнайы білім беру саласындағы цифрлық технологиялардың мүмкіндіктері өте кең. Біріншіден, бұл технологиялар оқытуды жекелендіруге және баланың даму ерекшеліктерін ескеруге мүмкіндік береді. Мысалы, есту немесе көру қабілеті бұзылған балаларға арналған мультимедиялық материалдар, сөйлеу тілінде ақауы бар балаларға арналған арнайы бағдарламалар олардың ақпаратты қабылдауын жеңілдетеді. Екіншіден, қашықтан оқыту жүйелері ауылдық жерлердегі арнайы педагогтарға немесе дефектологтарға қол жеткізе алмайтын отбасыларға үлкен мүмкіндік береді. Сонымен қатар, арнайы педагогтар мен ата-аналарға арналған онлайн платформалар, мобилді қосымшалар, жасанды интеллектке негізделген ассистенттер – оқу үдерісін қолдаудың жаңа әдістері ретінде белсенді пайдаланылуда. Цифрлық құралдар арқылы баланың оқу барысындағы ілгерілеуін нақты бақылап, дер кезінде түзету жұмыстарын жүргізу де оңайлады. Бұл инклюзивті білім беру шеңберінде барлық баланың білім алуына тең жағдай жасауға ықпал етеді. Алайда, бұл бағытта елеулі қауіптер де жоқ емес. Біріншіден, цифрлық алшақтық – яғни, кейбір отбасылардың компьютер, планшет немесе тұрақты интернет желісіне қол жеткізе алмауы мүмкіндігі шектеулі балаларды білімнен шеттетуге ықтимал. Екіншіден, цифрлық ресурстар мен контенттердің барлығы бірдей сапалы және әдістемелік

талаптарға сай бола бермейді. Бұл педагогтердің кәсіби дайындығына және оларды дұрыс таңдай білу қабілетіне байланысты.

Сондай-ақ, экран алдында ұзақ уақыт отыру – көру, назар аудару, ұйқы тәртібі, психоэмоционалды тұрақтылық сияқты факторларға кері әсер етуі мүмкін. Әсіресе, дамуында ауытқуы бар балалар үшін бұл мәселе аса маңызды. Бұған қоса, мұғалімдердің цифрлық сауаттылығы мен арнайы білім беру саласындағы ІТ құралдарын тиімді қолдану дағдылары да әлі де болса жетілдіруді қажет етеді. Педагог мамандар көбінесе дайын платформа мен құралдарға тәуелді, оларды баланың нақты ерекшелігіне икемдеуде қиындықтар туындайды. Бүгінгі таңда жоғары оқу орындарында «Цифрлық педагогика», «Инклюзивті білім беру технологиялары» атты пәндердің енгізілуі осы олқылықтардың орнын толтыруға бағытталған. Алайда мұндай пәндер тек теориялық деңгейде қалып қоймай, нақты практикалық машықтар мен жобалар арқылы жүзеге асуы тиіс.

Сонымен қорыта айтқанда, арнайы білім берудегі цифрлық технологиялар – даму мүмкіндігі шектеулі балалардың сапалы білімге қол жеткізуіне үлкен мүмкіндік. Бірақ бұл мүмкіндіктерді тиімді пайдалану үшін цифрлық теңсіздікті жою, педагогтердің кәсіби дайындығын арттыру, сапалы контент жасау және қауіптердің алдын алу бағытында жүйелі жұмыс жүргізу қажет. Болашақта арнайы білім мен технологияның үйлесімді дамуы арқылы барлық балаға тең мүмкіндік беру – басты мақсатымыз болуы тиіс.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Әбдіғаппарова, А.Ш. (2021). Цифрлық технологиялар және инклюзивті білім беру: теория мен тәжірибе. – Алматы: Ұлттық білім академиясы.
2. Назарбаева, Н. Ә., & Есенгелдина, Г.С. (2020). Арнайы білім беру жүйесінде АКТ құралдарын қолданудың тиімділігі. Білім беру мәселелері журналы, №3, 44-50 б.
3. Министерство просвещения Российской Федерации. (2021). Цифровая трансформация образования: приоритеты и стратегии развития. Москва.
4. Айтжанова, Қ. Р., & Тілеужан, Б.Н. (2022). Арнайы педагогтердің цифрлық құзыреттілігін дамыту жолдары. Қазақстан педагогикалық журналы, №2, 61-67 б.
5. Громова, Н.А., & Киселева, И.А. (2021). Современные цифровые технологии в обучении детей с ОВЗ. Инновации в образовании, №6, с

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 21 (330)
Июнь 2025 г.

Часть 3

В авторской редакции

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 66232 от 01.07.2016

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74

E-mail: studjournal@nauchforum.ru

16+

